

ДЕДУКЦИЯ СВОБОДЫ VS ДЕДУКЦИЯ ОПЫТА В МЕТАФИЗИКЕ И. КАНТА

В. Е. Семенов¹

Моя цель – продемонстрировать специфику и различия трансцендентальной дедукции понятий и дедукции основоположений чистого практического разума в метафизике И. Канта. В первую очередь необходимо исследовать отношение Канта к современной ему метафизике и проблему нового ее обоснования. В своей философии Кант эксплицировал не один лишь теоретический мир познания, но и практический мир свободы. Соответственно, фундаментальными видами доказательства притязаний метафизики стали дедукция чистых понятий рассудка (дедукция опыта) и дедукция основоположений чистого практического разума (дедукция свободы). Исходные предпосылки Кантова проекта возрождения метафизики, а именно «коперниканский поворот», критический метод и базовые установки трансцендентального (формального) идеализма, представляют собою вместе с тем также методологическую основу трансцендентальной дедукции – нового способа доказательства притязаний метафизики в различных сферах человеческого бытия. Исходя из этого, я анализирую сущность, структуру, специфические черты, а также различия дедукции опыта и дедукции свободы. Я выделяю следующие особенности двух дедукций. Во-первых, теоретическое применение разума направлено на предметы, а в своем практическом использовании разум обращен на noumena: основания воли и свободу. Во-вторых, трансцендентальной дедукции пространства и времени, а также дедукции категорий предшествует трансцендентальная редукция, которая отсутствует в дедукции свободы. В-третьих, методологическое «движение» дедукций ориентировано Кантом в противоположных направлениях. Теоретическая дедукция идет от чистых форм чувственного созерцания к рассудочным понятиям, а от них – к основоположениям, практическая – от априорных основоположений к понятиям метафизики нравов, а от них – к моральным чувствам. В-четвертых, дедукция в теоретической сфере запрещает спекулятивному разуму выходить за пределы опыта. Практическая дедукция указала на интеллигибельный мир и обосновала его «легитимность».

Ключевые слова: метафизика, трансцендентальная дедукция, чистые понятия рассудка, свобода, моральный закон.

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
Поступила в редакцию: 05.12.2018 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-3
© Семенов В. Е., 2019

DEDUCTION OF FREEDOM VS DEDUCTION OF EXPERIENCE IN KANT'S METAPHYSICS

V. E. Semyonov¹

My aim is to demonstrate the specificities and differences between transcendental deduction of concepts and deduction of the fundamental principles of pure practical reason in Kant's metaphysics. First of all it is necessary to examine Kant's attitude to the metaphysics of his time and the problem of its new justification. Kant in his philosophy explicated not only the theoretical world of cognition, but also the practical world of freedom. Accordingly, the fundamental means of proving metaphysics' claims are the deduction of pure concepts of understanding (deduction of experience) and the deduction of the principles of pure practical reason (deduction of freedom). The underlying premises of the Kantian project of reviving metaphysics, "the Copernican Turn", the critical methods and basic principles of transcendental (formal) idealism also provide the methodological basis of transcendental deduction, a new method of proving the claims of metaphysics in various spheres of human being. Proceeding from the above, I analyse the essence, structure and the peculiarities as well as the differences between the deduction of experience and the deduction of freedom. I single out the following features of the two types of deduction. First, theoretical use of reason is aimed at objects while practical reason is aimed at noumena, the foundations of will and freedom. Second, the transcendental deduction of space and time, as well as the deduction of categories, is preceded by transcendental reduction, which is absent in the deduction of freedom. Third, Kant orients the methodological movement of deductions in opposite directions. Theoretical deduction proceeds from pure forms of sensible intuition to concepts of understanding and thence to fundamental principles. Practical deduction proceeds from a priori principles to the concepts of the metaphysics of morals and thence to moral feelings. Fourth, deduction in the theoretical sphere forbids speculative reason to go beyond experience. Practical deduction has pointed to the intelligible world and has proved its "legitimacy".

Keywords: metaphysics, transcendental deduction, pure concepts of understanding, freedom, moral law.

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Sadovaya-Kudrinskaya st., 9, Moscow, 125993, Russia.
Received: 05.12.2018.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-3
© Semyonov, V. E., 2019.

Введение

Общеизвестно, что «ничего не бывает без основания». В свое время эту мысль, на первый взгляд кажущуюся простой и тривиальной, тем не менее упорно отстаивал в своих работах великий энциклопедист Г. В. Лейбниц. Он не сомневался и убеждал других в том, что «есть в природе порядок (Ratio), по которому предпочтительно существует нечто, а не ничто. Это следствие того великого принципа, в силу которого ничто не происходит без причины и должна быть причина, почему существует это, а не другое» (Лейбниц, 1982, с. 234).

Такой естественный порядок, по мысли Лейбница, с одной стороны, имеет собственное «реальное основание» (*realis ratio*) в качестве причины существования и действия (и эта причина — Совершеннейшее Существо, Бог), а с другой — служит необходимым основанием для нашего *познания*. Стало быть,

эта аксиома, что *ничего не бывает без основания*, должна считаться одной из самых важных и плодотворных аксиом во всем человеческом познании; на ней основывается большая часть метафизики, физики и нравственного учения, и без нее нельзя ни доказать существование Бога из творений, ни построить доказательство от причин к следствиям или от следствий к причинам, ни сделать какие-либо выводы в делах гражданских (Лейбниц, 1984, с. 141).

Видится вполне логичным, что И. Кант в непреодолимом стремлении полностью реформировать и заново обосновать метафизику, которая представляла собою «прославленное и необходимое для человечества познание» (AA 04, S. 261; Кант, 1994б, с. 13), руководствовался в том числе и этим принципом Лейбница.

Проблемой соотношения и различия *логического* и *реального* оснований Кант начал заниматься еще в «докритический» период. Так, например, в работах «Новое освещение первых принципов метафизического познания» (1755), «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» (1762), «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763), «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» (1763) и, наконец, в диссертации 1770 г. «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» Кант (впрочем, как и его ближайшие предшественники и современники — немецкие философы-метафизики XVIII в.) высказал немало

Introduction

It is common knowledge that “there is nothing without a reason.” The idea seems simple and trivial at first glance, yet the great encyclopaedist Leibniz went to great lengths to argue this case in his works. He had no doubt himself and sought to convince others that “there is a reason in the nature of things why something exists rather than nothing. It is a consequence of that great principle that nothing occurs without a reason, and also of the principle that there must be a reason why one thing occurs rather than another” (Leibniz, 2000, p. 84).

This natural order of things, Leibniz argued, has on the one hand its own *realis ratio* as the cause of existence and action (the reason being the Perfect Entity, or God) and is, on the other hand, the necessary foundation of our *cognition*. Hence,

this axiom [...] that *there is nothing without a reason*, must be considered one of the greatest and most fruitful of all human knowledge, for upon it is built a great part of metaphysics, physics, and moral science; without it, indeed, the existence of God cannot be proved from his creatures, nor can an argument be carried from causes to effects or from effects to causes, nor any conclusions be drawn in civil matters (Leibniz, 1989, p. 227).

It is quite logical that Kant, in his drive to totally reform and provide new grounds for metaphysics, “the highly prized knowledge that is indispensable to humanity” (*Prol*, AA 04, p. 261; Kant, 2002, p. 58), was guided, among other things, by this principle of Leibniz.

Kant commenced the study of the relationship and difference between the *logical* and *real* grounds even before the *Critique* period. Thus, in his works “New Elucidation of the First Principles of Metaphysical Cognition” (1755), “The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures” (1762), “Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy” (1763), “The Only Possible Argument in Support of a Demonstration of the Existence of God” (1763) and finally, in his 1770 dissertation “Concerning the Form and Principles of the Sensible and Intelligible World” Kant (like his closest predecessors and contemporaries, the eighteenth-century German metaphysical philosophers) presented a good many epistemological claims to metaphysics.

гносеологических претензий как в отношении самой метафизики, так и в адрес формальной логики, позволявшей заниматься спекулятивным и бездоказательным понятийным системотворчеством в границах «первой философии».

Одной из важнейших причин кризиса метафизики начала и середины XVIII в. нужно считать как раз неспособность (или неумение?) отличать реальное основание от логического. В перечисленных выше работах Кант четко обозначил эту проблему и указал на дихотомию *логического основания* причинной связи явлений и событий, с одной стороны, и *реального основания* — с другой. Логическая связь основания со следствием усматривается с полной ясностью, поскольку следствие совпадает с частью понятия основания и, следовательно, определяется данным основанием по закону тождества. Например, понятие *сложности* есть логическое основание понятия *делимости*; в свою очередь, *необходимость* — основание *неизменности*.

Однако логическое основание — без использования закона тождества — никак не объясняет того, каким образом в реальности *ничто* вытекает из чего-то другого. Логическое основание целиком принадлежит формально-логическому мышлению, тогда как реальное основание фундирует область действительности и, стало быть, находится в той сфере, которую Кант в недалеком будущем назовет *трансцендентальной логикой*. Но в таком случае в отношении реального основания возникает труднейшая содержательная проблема, требующая дедукции: «как должен я понять, что, *благодаря тому, что есть нечто, есть также и что-то другое*» (AA 02, S. 202; Кант, 1994а, с. 82). В будущих работах именно на основании дихотомии «логическое — реальное» возникнет фундаментальное для критической философии различение *общей* и *трансцендентальной* логики.

Следует подчеркнуть: именно такой подход (отделение логического от реального) к решению одного из главных затруднений прежней метафизики позволил Канту разрубить гордиев узел проблемы логической дедукции понятий и в целом онтологизации логики. Ибо в метафизике, предшествующей и современной Канту, «спор об универсалиях» (в современном для той философии виде) отличался изощренностью, упорством и разнообразием:

...и вольфианцы, и антивольфианцы пытались дать в ней [онтологии] важнейшие определения, разложить составные понятия и выявить простейшие элементы человеческого познания. Какие элементы являются

ics and formal logic which allowed the speculative and unsubstantiated creation of conceptual systems within the bounds of “the first philosophy.”

One of the main causes of the crisis of metaphysics in the early and middle eighteenth century must be precisely the lack of capacity (or ability?) to distinguish real grounds from logical ones. In the above-mentioned works Kant pinpointed this problem and identified the dichotomy of *logical grounds* for the cause-and-effect relationship among phenomena and events, on the one hand, and the *real grounds*, on the other. The logical link between cause and effect is readily seen because the effect coincides with part of the concept of the cause and, consequently, is defined by the cause in accordance with the identity law. Thus, the concept of *complexity* is the logical grounds for the concept of *divisibility*; in turn, *necessity* is the grounds for *immutability*.

However, the logical grounds, without invoking the law of identity, do nothing to explain how *something* follows from something else. The logical cause lies entirely within the domain of formal logical thinking, while the real foundation lies in the sphere of reality and therefore belongs to the sphere which Kant would soon call *transcendental logic*. However, in that case a daunting substantive problem arises with regard to the real cause, a problem that calls for deduction: “How am I to understand the fact that, *because something is, something else is?*” (NG, AA 02, p. 202; Kant, 1992, p. 239). In his works that followed, the “logical-real” dichotomy gives rise to the distinction between *general* and *transcendental* logic, a dichotomy that is pivotal for critical philosophy.

It has to be stressed that this approach (the separation of the logical from the real) to resolving one of the key difficulties of previous metaphysics enabled Kant to cut the Gordian knot of the problem of the logical deduction of concepts and the ontologisation of logic as a whole. For in the earlier and contemporary metaphysics “the dispute about universals” (in the shape characteristic of the philosophy of the times) was exceedingly sophisticated, fierce and diverse:

[...] Wolfians and anti-Wolfians alike tried to provide [in ontology] a breakdown of the composite concepts into the simplest elements of human cognition. Which elements meet that description and which do not and how many elementary concepts there exist –

такowymi, а какие нет, сколько простейших понятий существует — об этом шли непрерывные споры, не добавлявшие ореола достоверности ни онтологии, ни метафизике в целом (Круглов, 2008, с. 55).

В такой ситуации именно Канту было предназначено судьбой реформировать метафизику, погрязшую в откровенном и неприкрытом эмпиризме², впадшую к тому времени в «обветшалый, изъеденный червями догматизм» (А X; Кант, 2006б, с. 13), направить ее на «надежный путь науки» (В IX; Кант, 2006а, с. 11) и заново обосновать по совершенно неизвестному до тех пор плану, породив при этом особый способ философского доказательства притязаний метафизических положений — трансцендентальную дедукцию. Поскольку же Кант эксплицировал не один лишь теоретический мир познания, но и практический мир свободы, то фундаментальными видами доказательства притязаний метафизики стали дедукции опыта и свободы.

Таким образом, цель данной статьи — продемонстрировать специфику и, соответственно, различия трансцендентальной дедукции понятий и дедукции основоположений чистого практического разума в метафизике Канта. При этом я не буду касаться ни эмпирической дедукции понятий, ни метафизической.

Исходные предпосылки дедукции

Философская эволюция Канта со временем привела его к убеждению в том, что метафизика не может основываться на эмпирическом базисе, но непременно должна содержать в своем фундаменте основоположения и понятия *a priori*. Однако прежняя метафизика пыталась, по большому счету, лишь прояснить и систематически упорядочить свои положения и термины, не задаваясь вопросом: в чем, собственно говоря, корень всех проблем и затянувшегося кризиса «царицы наук»? Ответ так и не был найден. Именно по этой причине кёнигсбергский философ пытался отыскать тот самый *Schlufstein* (замковый, краеугольный камень) нового обоснования метафизики.

² В старой метафизике доминировали одновременно (!) и спекулятивное мышление, и эмпиризм. Степень присутствия последнего позволяла говорить о деспотизме эмпиризма в науке и метафизике. Однако «этот деспотизм эмпиризма — не научная, а научно-теоретическая позиция... Таким образом, если трансцендентальная философия направлена на устранение этого деспотизма, то она касается не самих наук, а эмпирицистских (empiristischen) теорий науки» (Rohs, 1976, S. 10).

these were perpetual subjects of arguments which did not confer an aura of authenticity either on ontology or on metaphysics as a whole (Krouglov, 2008, p. 55).

In this situation it was Kant who was fated to reform metaphysics, mired in avowed and undisguised empiricism,² and by that time fallen into “old worm-eaten dogmatism” (*KrV*, A X; Kant, 1998, p. 100), steer it down “the secure path of a science” (*KrV*, B IX; Kant, 1998, p. 107) and reinvent it under a previously unknown plan, generating a special way of philosophical proof of the claims of metaphysical provisions, i.e. transcendental deduction. And because Kant was explicating not only the theoretical world of cognition but also the practical world of freedom, deductions of experience and freedom became the fundamental methods of proving the claims of metaphysics.

Thus the aim of this article is to demonstrate the specificities and differences between the transcendental deduction of concepts and the deduction of the principles of pure practical reason in Kant’s metaphysics. I will not touch upon either empirical or metaphysical deductions of concepts.

Initial Premises of Deduction

Kant’s philosophical evolution eventually convinced him that metaphysics could not be based on empiricism and its foundation should include *a priori* premises and concepts. Meanwhile up until then metaphysics basically merely sought to clarify and systematise its own provisions and terms without trying to get at the root of all the problems and the long-drawn-out crisis of “the queen of all sciences.” The answer was not found. This led Kant to try to find the *Schlufstein* (the keystone) of a new foundation of metaphysics.

² The older metaphysics was dominated simultaneously (!) by speculative thought and by empiricism. The degree of the presence of the latter gave grounds for speaking about the despotism of empiricism in science and metaphysics. However, “the despotism of empiricism is not a scientific but a scientific-theoretical position [...]. Thus, if transcendental philosophy is aimed at eliminating this despotism, it has to do not with sciences but with empiricist theories of science” (“*Dieser Despotismus des Empirismus ist keine wissenschaftliche, sondern eine wissenschaftstheoretische Position. [...] Wenn Transzendentalphilosophie also diesem Despotismus abhelfen will, so hat sie es nicht mit den Wissenschaften selbst, sondern mit den empiristischen Wissenschaftstheorien zu tun*”) (Rohs, 1976, p. 10).

Херман Шмитц так описывал сложившуюся в метафизике ситуацию и реакцию на нее философа:

Кант, которому судьбой было предназначено быть влюбленным в метафизику, страдал от низко упавшего из-за экзальтированности и бесконечных школьных распрей авторитета своей возлюбленной, чье унижение дискредитировало и его лично, и решился поэтому на радикальное лечение критицизмом, которое должно было уравнивать мучительные потери спекулятивного разума прибылями практического (Schmitz, 1989, S. 368–369).

Поскольку спрос на эту старейшую науку, как полагал Кант, никогда не может исчезнуть, потому что интерес общего человеческого разума слишком тесно с ней связан, предстояла полная реформа или новое рождение метафизики (AA 04, S. 257; Кант, 1994б, с. 8). Возрождение, как известно, происходило на путях осуществления «коперниканского поворота», использования критицизма и трансцендентального идеализма. Все эти инновации включали в себя в том числе, как составную часть, новый (кантовский) способ доказательства притязаний метафизики — трансцендентальную дедукцию³.

Строго говоря, отнюдь не все нововведения Канта были полностью оригинальными. Трансцендентальные аргументы как род дедукции можно уже обнаружить у Аристотеля и Декарта. Кроме того,

[сама] мысль о трансцендентальности познания была не нова. Такой была идея о том, что всякое познание предмета осуществляется в некоторой области базовых (ersten) понятий и определяется ими, а также о том, что как раз эта первоначальная и априорная область составляет первое и истинное понятие знания. Трансцендентальная мысль знакома всей философии со времен Платона и Аристотеля... Эпохальное достижение Канта состоит скорее в том, что эта мысль была реализована в логике по-научному (Krings, 1964, S. 28–29).

³ «Кант не дал общего определения трансцендентальной дедукции. Однако в общих чертах под этим термином можно понимать доказательство объективной значимости понятий и, соответственно, принципов, основанных на априорных условиях чистого разума. В теоретической философии понятие “трансцендентальная дедукция” является центральным» (Heidemann, 2015b, S. 366–367). Помимо теоретической философии трансцендентальная дедукция используется также в «Критике практического разума», «Критике способности суждения» и в «Учении о праве» из «Метафизики нравов».

Herman Schmitz thus described the condition of metaphysics at the time and the philosopher's reaction to it:

Kant, who was preordained to fall in love with metaphysics was hurt by the declined authority of his mistress caused by the overheated and endless scholastic squabbles, a humiliation that discredited him personally, and therefore decided on drastic treatment through criticism designed to offset the painful losses of speculative reason by the benefits of practical reason (Schmitz, 1989, pp. 368-369).³

Because, as Kant believed, demand for the oldest science could never disappear since general human reason was too closely linked with it, a complete reform, or a rebirth of metaphysics was called for (Prol, AA 04, p. 257; Kant, 1998, p. 399). The revival, of course, took the shape of the “Copernican Turn”, the use of criticism and transcendental idealism. All these innovations included among other things a new (Kantian) method of proving the claims of metaphysics, transcendental deduction.⁴

Strictly speaking, not all of Kant's innovations were entirely new. One can find transcendental arguments as a kind of deduction in Aristotle and Descartes. Indeed,

[the very] idea of transcendental cognition was not new. Witness the idea that all cognition of an object takes place in the domain of fundamental (ersten) concepts and is determined by them, and that it is this initial *a priori* area constitutes the first and true concept of knowledge. Transcendental thought has been known to all philosophy since Plato and

³ “Kant, der Schicksal hatte, in die Metaphysik verliebt zu sein, litt unter dem durch Verstiegheit und endlose Schulstreitigkeiten tief gesunkenen Ansehen dieser Geliebten, dessen Niedrigkeit auch ihn persönlich herabsetzte, und entschloss sich daher zur Radikalkur des Kritizismus, die schmerzliche Verluste der spekulativen Vernunft durch Gewinne der praktischen ausgleichen sollte.”

⁴ “Kant has not provided a general definition of transcendental deduction. However, in general the term can be interpreted as proof of the objective significance of concepts and, accordingly, the principles based on *a priori* conditions of pure reason. The concept of ‘transcendental deduction’ is central to theoretical philosophy” (“Eine generelle Definition von transzendentaler Deduktion hat Kant nicht gegeben. Allgemein lässt sich unter diesem Begriff aber ein Beweis der objektiven Gültigkeit von Begriffen bzw. Prinzipien aufgrund von apriorischen Erkenntnisbedingungen aus reiner Vernunft verstehen. Zentral ist der Begriff ‘transzendentaler Deduktion’ in der theoretischen Philosophie”) (Heidemann, 2015b, pp. 366-367). In addition to theoretical philosophy transcendental deduction is also used in the *Critique of Pure Reason*, the *Critique of Judgement* and “The Teaching on Law” in the *Metaphysics of Morals*.

В первую очередь, Кант обосновал внутри метафизики четкое различие эмпирического и априорного познаний, аналитических и синтетических суждений, а также разделение «предметов вообще» на явления и вещи сами по себе. Все эти базовые установки представляли собою ядро и «коперниканского поворота», и критицизма, и трансцендентального идеализма. «Перемена в способе мышления» (В XVI; Кант, 2006а, с. 17) справедливо и обоснованно выдвигала на авансцену субъекта и его познавательные способности, конституирующие предмет и, соответственно, мир в целом.

Коль скоро «два ствола» (А 835 / В 863; Кант, 2006а, с. 1047) — *чувственность* как способность восприятия и *рассудок* как синтетическая и конститутивная деятельность — одновременно участвуют в создании и понимании картины мира, то будет и логично, и справедливо начать изучение *тяжкого пути познания* именно с них⁴. Ибо только они формируют сугубо человеческий, а отнюдь не Божественный образ всей окружающей действительности. Соответственно, мы можем говорить исключительно о *человеческом* мире, *человеческом* познании, *человеческой* истине, *человеческих* ценностях, а вовсе не о каких-то неведомых и непостижимых *объективных* сущностях, которые якобы существуют вне и независимо от нашего сознания. Кант совершенно обоснованно призывает встать на точку зрения человека, вместо того чтобы высокомерно, но безуспешно пытаться занять место Бога.

Различение типов суждения, по мысли Канта, могло объяснить факты приращения и развития знания и позволяло в конечном итоге ответить на фундаментальный вопрос «Как возможны синтетические суждения *a priori*?» (В 19; Кант, 2006а, с. 73). Помимо этого, Кант не без оснований полагал, что «его концепция разграничения аналитического и синтетического в терминах ментального содержания и человеческой рациональности также даст адекватные объяснения и/или оправдания (i) дуализма содержания, (ii) необходимости истины, (iii) модального дуализма, (iv) априорного познания и (v) природы и статуса логики» (Hanna, 2015, p. 199). Для своего времени это кантовское

⁴ У Канта «познавательная структура человеческого мышления рассматривается как источник определенных условий, которые должны встретиться с чем-то, что представляется таким мышлением в качестве объекта. <...> Сказать, что объекты «сообразуются с нашим познанием», всего лишь означает, что они соответствуют тем условиям, при которых мы только и можем представлять их в качестве объектов» (Allison, 1983, p. 29).

Aristotle [...]. Kant's epoch-making achievement consists rather in implementing this idea in logic in a scientific way (Krings, 1964, pp. 28-29).⁵

First of all, Kant elucidated within metaphysics a clear distinction between empirical and *a priori* knowledge, analytical and synthetic judgements and the separation of “objects in general” into phenomena and things in themselves. All these basic principles formed the nucleus of the “Copernican Turn”, criticism and transcendental idealism. “The change in the ways of thinking” (*KrV*, В XVI; Kant, 1998, p. 110) rightly and reasonably put at the centre the subject and its cognitive abilities, constituting the object and, accordingly, the world as a whole.

Inasmuch as the “two stems” (*KrV*, А 835 / В 863; Kant, 1998, p. 693) – *sensibility* as an ability to perceive and *understanding* as synthetic and constitutive activity – are involved simultaneously in the creation and understanding of the picture of the world, it would be logical and fair to start the study of *the arduous path of cognition* with them.⁶ For they alone form a strictly human and not divine image of the surrounding reality. Accordingly, we can only speak of a *human* world, *human* cognition, the *human* truth, *human* values and not of some mysterious and unfathomable *objective* entities, allegedly existing outside and independently of our consciousness. Kant rightly advocates assuming the standpoint of man instead of trying arrogantly but unsuccessfully to take the place of God.

Differentiation of types of judgement, Kant believed, could explain the facts of increase and development of knowledge and ultimately provide and answer to the fundamental question, “How are synthetic judgments *a priori* possible?” (*KrV*, В 19; Kant, 1998, p. 146). Besides, Kant believed, not without grounds, that “his theory of the analytic-synthetic distinction in terms of mental content and human

⁵ “[...] *nicht der Gedanke der Transzendentalität des Wissens war neu, das heißt der Gedanke, daß alle Gegenstandserkenntnis sich in einem bestimmten Umkreis von ersten Begriffen vollzieht und durch ihn bestimmt ist, sowie daß eben dieser ursprüngliche und apriorische Umkreis den ersten und wahren Begriff des Wissens ausmacht. Der transzendente Gedanke ist seit Platon und Aristoteles aller Philosophie vertraut [...]. Die epochemachende Leistung Kants besteht vielmehr darin, diesen Gedanken in einer Logik wissenschaftlich realisiert zu haben.*”

⁶ With Kant, “The cognitive structure of the human mind is viewed as the source of certain conditions which must be met by anything that is to be represented as an object by such a mind. [...] To say that objects ‘conform to our knowledge’ is just to say that they conform to the conditions under which we can alone represent them as object” (Allison, 1983, p. 29).

различение имело, безусловно, эвристическое значение, особенно если учесть, сколько богатого материала и головоломных проблем оно предоставило современной философии и науке (прежде всего математике).

Знаменитая кантовская дихотомия «явления — вещи сами по себе» преследовала, без преувеличения, глобальную человеческую цель, не только в сфере познания, но — что гораздо важнее — в практической области свободы.

Во-первых, предмет познания, а значит, в итоге все знание создается нашими познавательными способностями и никак иначе⁵. Здесь, повторюсь, Кант призывает: а) ограничить безмерные человеческие притязания на абсолютное и бездоказательное познание и знание, б) учесть тот факт, что наше знание имеет сугубо человеческий характер (поскольку сконструировано нами самими) и, стало быть, носит «отпечатки» инструментов познания и ограничено их «рамками». Сказать, каким образом и в каком облике вещи существуют вне нашего сознания и познания, мы, строго говоря, не можем.

Такую гносеологическую позицию Пол Гайер назвал эпистемологической скромностью:

Эта форма эпистемологической скромности всегда требует, чтобы теория или концептуальная структура, подвергнутая скептическому сомнению, была не более очевидно *ложной*, чем очевидно *истинной*. А Кант под названием трансцендентального идеализма намеревался показать, что пространственное и временное представление о вещах, как они действительно существуют сами по себе, независимо от нашего восприятия, было бы *очевидно ложным*. Трансцендентальный идеализм — это не скептическое напоминание о том, что мы *не можем быть уверенными* в том, что вещи, как они существуют сами по себе, *суть такие же*, какими мы их представляем. Это — жесткое догматическое требование, что мы *можем быть полностью уверены* в том, что вещи, каковы они сами по себе, *не могут быть* такими, какими мы их представляем (Guyer, 1987, p. 333).

Что ж, это вполне справедливо: мы — люди, а не боги.

Однако такая позиция не должна нас пугать ни релятивизмом, ни солипсизмом, ибо, с одной сто-

⁵ «Все созерцания суть для нас ничто и нисколько не касаются нас, если они не могут быть восприняты в сознании, все равно, влияют ли они на него прямо или косвенно; иным путем познание невозможно» (A 116; Кант, 2006б, с. 167). Последняя часть предложения в оригинале звучит гораздо сильнее: «...und nur durch dieses allein ist Erkenntnis möglich» — «и только через одно это возможно познание».

rationality would also yield adequate explanations and/or vindications of (i) content dualism, (ii) necessary truth, (iii) modal dualism, (iv) *a priori* knowledge, and (v) the nature and status of logic” (Hanna, 2015, P. 199). For its time the Kantian distinction undoubtedly had heuristic value, especially if one considers the wealth of material and mind-bending problems it presented to contemporary philosophy and science (above all mathematics).

Kant’s famous “phenomenon – things in themselves” dichotomy pursued, without exaggeration, a global human goal not only in the cognitive sphere, but – far more importantly – in the practical domain of freedom.

Firstly, the objects of cognition and ultimately all knowledge are created by our cognitive ability and in no other way.⁷ Here, to repeat, Kant calls for a) setting a limit to arrogant human claims to absolute and unproved cognition and knowledge, b) recognising the fact that our knowledge is strictly human (having been constructed by humans) and hence bears “imprints” of the cognitive instruments and is limited by their “framework”. Strictly speaking, we cannot say how and in what shape things exist outside our consciousness and cognition.

Paul Guyer called this epistemological position “epistemological modesty”:

That form of epistemological modesty always requires that a theory or conceptual framework subjected to skeptical doubt be no more demonstrably *false* than demonstrably *true*, but what Kant sets out to demonstrate under the name of transcendental idealism is that a spatial and temporal view of things as they really are in themselves, independent of our perception of them, would be *demonstrably false*. Transcendental idealism is not a skeptical reminder that we *cannot be sure* that things as they are in themselves are also as we represent them to be; it is a harshly dogmatic insistence that we *can be quite sure* that things as they are in themselves *cannot be* as we represent them to be (Guyer, 1987, p. 333).

Well, fair enough: we are humans, not gods.

However, this position need not scare us either with its relativism or with solipsism because, on the one hand, humanity has long adapted itself to liv-

⁷ “All intuitions are nothing for us and do not in the least concern us if they cannot be taken up into consciousness, whether they influence it directly or indirectly, and through this alone is cognition possible” (*KrV*, A 116; Kant, 1998, p. 237).

роны, человечество давным-давно приспособилось жить в *человеческом* мире и с *человеческой* истиной, а с другой — по своему происхождению «кантовское Я является самосознающим только через сознание ноэтического *коррелята* в мире явлений, через собственное ноэтическое структурирование опыта. <...> Кантовское сознание не является самосознанием в первую очередь. Оно есть сознание самого себя только через осознание мира» (Aquila, 1989, p. XII). Эта истина, впрочем, давно известна и тривиальна: не существует объекта без субъекта и наоборот⁶. Кроме того, солипсизм — это ведь не реальная философская позиция какого-либо мыслителя, а всего лишь доведенная до логического конца и в этом смысле «крайняя» сугубо теоретическая и методическая установка, применяемая в ходе мысленного эксперимента, который, в свою очередь, осуществляется исключительно в трансцендентальной, а не «естественной» перспективе сознания.

Во-вторых, помимо мира явлений существует мир трансцендентальной свободы. Если в первом мире человек ограничен довольно жесткими границами рецептивности (= способности восприятия), хотя и «облагороженной» воображением, и параметрами (= структурой) рассудка, то во втором он как раз стремится выйти за пределы, навязанные собственной природой. Здесь субъект (точнее, личность) стремится к *безусловному*, то есть желает построить собственный, а не природный мир. Однако на основе *опыта* (= синтеза чувственности и категорий рассудка) *безусловное* мыслить невозможно.

Безусловное находится в вещах самих по себе, которые мы в опыте *познавать* не можем. Тогда у нас остается возможность их *мыслить*. Стало быть, необходимо переходить в мир свободы, правильнее сказать — выстраивать его. Разум должен предпринять усилия, чтобы выйти «за пределы всякого возможного опыта посредством наших, но уже лишь практически возможных познаний *a priori*» (A 21; Кант, 2006а, с. 23). За пределами возможного

⁶ В 1797 г. Кант записывает: «Посредством одних лишь категорий, поскольку [они] содержат только мышление, мы не познаем никакого предмета (материю). <...> Только в связи с реальным (ощущаемым) пространством и временем созерцание дает нам познания, которые в конце концов (даже чистая математика) могут доказать реальность своих понятий только через их соответствие с возможностью опыта, причем созерцания могут поставлять *априорные* познания только тогда, когда они должны приниматься не как вещи сами по себе, а лишь как явления, т. е. в качестве субъективной формы чувственности, так как их устройство можно познать отдельно, объекты же могут быть какие угодно, следовательно, они даны *a priori*» (AA 18, S. 688; Кант, 2000, с. 317, №6360).

ing in a *human* world and with the *human* truth and, on the other hand, in view of its origin: “The Kantian Self is originally self-conscious only through consciousness of the noematic *correlate*, in the world of appearances, of its own noetic structuring of experience. [...] Kantian consciousness is not in the first instance self-consciousness. It is consciousness of self only through its consciousness of the world” (Aquila, 1989, p. XII). This truth, however, has long been known and is trivial: there is no object without a subject and *vice versa*.⁸ Besides, solipsism is not a real philosophical position of a thinker but merely a strictly theoretical and methodological position carried to its logical end and in that sense an “extreme” position, used during the course of a thought experiment which, in turn, is carried out exclusively in the transcendental and not “natural” perspective of consciousness.

Secondly, in addition to the world of phenomena, there exists the world of transcendental freedom. While in the former world man is constrained within fairly harsh boundaries of receptivity (= the capacity to perceive), albeit “ennobled” by imagination and the parameters (= structure) of reason, in the latter case the subject (or reason?) seeks to go beyond the limits imposed by its own nature. Here the subject (more precisely, the personality) seeks the *unconditional*, i.e. wishes to build its own and not the natural world. However, on the basis of *experience* (= synthesis of sensibility and the categories of reason) it is impossible to think of the *unconditional*.

The unconditional resides in things in themselves which we cannot *cognise* in experience. Thus it remains to *think* them. So it is necessary to move into the world of freedom or, more correctly, to build it. Reason must exert an effort to go “[...] beyond the boundaries of all possible experience, in accordance with the wishes of metaphysics, cognitions *a priori* that are possible, but only from a practical standpoint” (*KrV*, A 21; Kant, 1998, p. 112).

⁸ Kant wrote in 1797: “Through categories alone, since they contain merely thought, we do not cognize any object (matter). [...] The intuition of space and time connected to the real (that which is sensed) alone gives us cognitions that in the end (even pure mathematics) can prove the reality of their concepts merely through their correspondence with the possibility of experience, in which case, however, the intuitions can provide *a priori* cognitions only if they are not assumed to be things in themselves, but only appearances, i.e., the subjective form of our sensibility, because one can only know the constitution of these *a priori* for themselves alone, let the objects be what they might, hence only these are given *a priori*” (*RefI* 6360, AA 18, p. 688; Kant, 2005, p. 395).

опыта человечеством конструируется помимо того практический мир социального действия, морали, религии, языка, очищенной от эмпиризма и догматизма метафизики, искусства, одним словом — культуры, понимаемой как *Bildung*.

Этот практический мир, который Кант называет также интеллигибельным, или моральным, представляет собою умопостигаемую Вселенную разума, практическую идею (а вовсе не *понятие* рассудка). Сама идея интеллигибельного мира есть всего лишь

точка зрения, которую разум чувствует себя вынужденным принять вне явлений для того, чтобы мыслить самого себя практическим... Эта мысль приводит, конечно, к идее другого порядка и законодательства, нежели те, какие присущи механизму природы, относящемуся к чувственному миру, и делает необходимым понятие интеллигибельного мира (т.е. целого разумных существ как вещей самих по себе) (AA 04, S. 458; Кант, 19976, с. 259).

В третьей антиномии тезис гласит: «Каузальность по законам природы — не единственная каузальность, из которой можно вывести всю совокупность явлений в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить каузальность [осуществляемую] через свободу» (A 444 / B 472; Кант, 2006а, с. 595). Кант демонстрирует, что *каузальность природы* вовсе не противоречит *каузальности свободы*, поскольку обе они действуют и определяют положение дел в разных мирах — теоретическом (природном) и практическом (моральном). При этом, находясь в интеллигибельном мире, практический разум не претупает свои границы, поскольку не прибегает к *созерцаниям* и *ощущениям*. Стало быть, действуя в умопостигаемом мире, разум применяет не *конститутивные* способности и механизмы теоретической рациональности (рассудка), а *регулятивные* идеи и принципы интеллигибельно-практической рациональности.

Таким образом, мы видим, что весьма плодотворная кантовская дихотомия «явления — вещи сами по себе» позволила наиболее полно описать все сферы и принципы человеческого существования и действия. С одной стороны, мы живем в мире опыта и необходимости. С другой — ввиду того, что необходимо допустить принципиально иную каузальность, которая предполагает абсолютную спонтанность причин, а значит, и возможность самостоятельно начинать тот или иной ряд явлений, мы тем самым приходим не только к реальной *прак-*

Beyond possible experience humanity also constructs the practical world of social action, morality, religion, language cleansed of empiricism and the dogmatism of metaphysics, art, in short, culture understood as *Bildung*.

This practical world, also referred to by Kant as the intelligible or moral world, represents the Universe of Reason, the practical *idea* (and not the *concept* of understanding). The idea of intelligible world is merely

a standpoint that reason sees itself constrained to take outside appearances in order to think of itself as practical [...]. This thought admittedly brings with it the idea of another order and another lawgiving than that of the mechanism of nature, which has to do with the sensible world; and it makes necessary the concept of an intelligible world (i.e., the whole of rational beings as things in themselves) (GMS, AA 04, p. 458; Kant, 2011, p. 145).

In the Third Antinomy the thesis goes as follows: “Causality in accordance with laws of nature is not the only one from which all the appearances of the world can be derived. It is also necessary to assume another causality through freedom in order to explain them” (*KrV*, A 444 / B 472; Kant, 1998, p. 484). Kant demonstrates that the *causality of nature* in no way contradicts the *causality of freedom* because both operate and determine the state of affairs in different worlds — the theoretical (natural) and the practical (moral). Being in the intelligible world practical reason does not overstep its boundaries because it does not resort to *contemplation* and *sensation*. So, acting in the intelligible world, reason makes use not only of the *constitutive* abilities and mechanisms of theoretical rationality (understanding) but also of the *regulative* ideas and principles of intelligible-practical rationality.

Thus we see that the eminently fruitful Kantian dichotomy of “phenomenon *versus* things in themselves” made it possible to describe most fully all the spheres and principles of human existence and action. On the one hand, we live in a world of experience and necessity. On the other hand, because it is necessary to assume a fundamentally different causality implying an absolute spontaneity of causes and hence the possibility of independently initiating a string of phenomena we thus arrive not only at real *practical* freedom, but an understanding of *transcendental* freedom. Thus it is only the exist-

тической свободе, но и к пониманию трансцендентальной свободы. Таким образом, лишь существование вещи самой по себе позволяет обосновать и сохранить («спасти») для человечества свободу как таковую.

Однако здесь мы только приступаем к самому главному: для раскрытия двух фундаментальных «тайн» метафизики — «тайны» опыта (= природы) и «тайны» свободы (= морального мира) необходимы, соответственно, два обоснования — дедукция опыта и дедукция свободы. Эти процедуры необходимо взаимосвязаны.

Кант утверждает:

Но если критика не заблуждалась, научая нас рассматривать объект в *двоём значении*, а именно как явление или как вещь саму по себе; если данная критикой дедукция рассудочных понятий верна и, следовательно, закон каузальности относится только к вещам в первом значении, т. е. поскольку они суть предметы опыта, между тем как вещи во втором значении не подчинены закону причинности, — [если это так] то, не боясь впасть в противоречие, одну и ту же волю, взятую в явлении (в наблюдаемых поступках), с одной стороны, можно мыслить как необходимо сообразующуюся с законом природы и постольку *не свободную*, с другой же стороны, как принадлежащую закону самой по себе, стало быть, не подчиненную закону природы и потому как *свободную* (В XXVII — XXVIII; Кант, 2006а, с. 29 — 31).

В этой пространной, но крайне важной цитате следует обратить пристальное внимание на три важнейших для данной темы положения: а) дедукцией опыта косвенно обосновывается существование вещи самой по себе, б) дедукция свободы отчасти зависит от успеха теоретической дедукции, в) существование вещи самой по себе гарантирует человеческую свободу, а стало быть, и мораль. Мы, естественно, помним, что главная цель всей трансцендентальной философии — спасти идею свободы.

Сущность дедукции опыта и ее необходимость

Рассмотрим последовательно дедукцию опыта и дедукцию свободы — так, как они изложены в «Критике чистого разума» и «Критике практического разума».

Важно отметить: прежде чем приступить к трансцендентальной аналитике и дедукции чистых понятий рассудка, Кант разъясняет сущность трансцендентальной логики и задается вечным философским вопросом: что есть истина? Общая логика может дать только формальный критерий истины. Однако его явно недостаточно. Содержа-

ence of the thing in itself that enables humanity to ground and preserve (“save”) freedom as such for humanity.

However, this only brings us to the key point: to solve the two fundamental “mysteries” of metaphysics, the “mystery” of experience (= nature) and “the mystery” of freedom (= the moral world) two groundings are needed respectively, deduction of experience and deduction of freedom. These procedures are of necessity interconnected.

Kant maintains:

But if the critique has not erred in teaching that the objects should be taken in a *twofold meaning*, namely as appearance or as thing in itself; if its deduction of the pure concepts of the understanding is correct, and hence the principle of causality applies only to things taken in the first sense, namely insofar as they are objects of experience, while things in the second meaning are not subject to it; then just the same will is thought of in the appearance (in visible actions) as necessarily subject to the law of nature and to this extent *not free*, while yet on the other hand it is thought of as belonging to a thing in itself as not subject to that law, and hence *free*, without any contradiction hereby occurring (*KrV*, В XXVII–XXVIII; Kant, 1998, p. 116).

In this long but extremely important passage close attention needs to be paid to the three provisions that are the key to this topic: a) deduction of experience indirectly proves the existence of the thing in itself, b) deduction of freedom partly depends on successful theoretical deduction, c) the existence of a thing in itself guarantees human freedom and therefore morality. Naturally, we keep in mind that the main aim of all transcendental philosophy is to save the idea of freedom.

The Essence of Deduction of Experience and its Necessity

Let us sequentially consider deduction of experience and deduction of freedom as set forth in the *Critique of Pure Reason* and the *Critique of Practical Reason*.

It is important to note that before embarking on the transcendental analysis and deduction of pure concepts of reason Kant explains the essence of transcendental logic and asks the eternal philosophical question: what is truth? General logic can

тельный (материальный) критерий должна представить трансцендентальная логика в форме прежде всего: а) аналитики, или логики истины (= обоснование знания), которая является каноном оценки эмпирического применения рассудка, и, кроме того, б) диалектики (= критика познавательной видимости), предостерегающей от ошибок. Стало быть, дедукция категорий имеет прямое отношение к сложнейшему вопросу об истине.

Самое краткое базовое определение Кант дает в начале знаменитого § 13 «Трансцендентальной аналитики понятий»: «...объяснение того, каким образом понятия могут *a priori* относиться к предметам, я называю *трансцендентальной дедукцией* понятий» (А 85 / В 117; Кант, 2006а, с. 187). Дедукция необходима для решения главного затруднения, с которым мы не имеем дела в области чувственности: «...каким образом получается, что *субъективные условия мышления* имеют *объективную значимость*, т.е. становятся условиями возможности всякого познания предметов» (А 89–90 / В 122; Кант, 2006а, с. 191). Вольфганг Карл детализирует: «Разъяснение объективной значимости субъективных условий мышления — это обоснование того, что понятия метафизики являются условиями эмпирического познания. <...> Другими словами: мы нашли ключ к “тайне” метафизики именно в том, что разъясняем отношения понятий рассудка к предметам» (Carl, 1989, S. 49).

Прежде чем перейти непосредственно к дедукции чистых понятий рассудка, позволю себе заметить, что в первой «Критике» вся теоретическая дедукция в своей целокупности обладает сложной, поэтапной и разветвленной структурой. Кроме того, определенное недоумение вызывает сам термин «дедукция». В каком смысле употребляется это понятие? Вероятно, не в том, в каком мы привыкли его понимать — в качестве процесса логического перехода от общего к частному и единичному, а также логического вывода, то есть перехода от посылок к заключению и следствиям⁷.

Сам Кант, разъясняя термин, ссылается на юридическую практику и говорит, что дедукцией в этой среде называется *доказательство права* или *справедливости притязаний*. Такое словоупотребление, видимо, было характерно для нефилософских

⁷ Йенс Тиммерман предупреждает: «Дедукции Канта не следует путать со стандартными нисходящими дедукциями, или преобразованиями, в формальной логике. Они служат подтверждением того, что мы имеем право использовать понятие, которое может быть использовано только в синтетическом суждении *a priori*. Для этой цели нам нужно проследить происхождение понятия и проверить, является ли установленная связь законной» (Timmerman, 2007, p. XXII–XXIII).

only provide a formal criterion of truth. However, that is obviously not enough. The content (material) criterion must be provided by transcendental logic above all in the form of: a) analytics, or logic of truth (= grounding of knowledge) which is a canon of assessing the empirical use of understanding and, in addition, b) dialectics (= critique of cognisable appearance) which warns against errors. Thus, the deduction of categories has a direct bearing on the overarching question of truth.

Kant provides the shortest basic definition at the beginning of the famous § 13 of the “Transcendental Analytic of Concepts”: “I therefore call the explanation of the way in which concepts can relate to objects *a priori* their *transcendental deduction*” (KrV, A 85 / B 117; Kant, 1998, p. 220). Deduction is needed to resolve the main difficulty that does not confront us in the sensible sphere: “... how *subjective conditions of thinking* should have *objective validity*, i.e., yield conditions of the possibility of all cognition of objects” (KrV, A 89–90 / B 122; Kant, 1998, p. 222). Wolfgang Carl elaborates: “The elucidation of the objective validity of subjective conditions of thought proves that the concepts of metaphysics are conditions of empirical cognition. [...] In other words, we have found the key to the ‘mystery’ of metaphysics by explaining how the concepts of understanding relate to objects” (Carl, 1989, p. 49).⁹

Before passing on directly to the deduction of pure concepts of understanding I would like to note that in the first *Critique* all theoretical deduction in its entirety has a complicated, step-by-step and ramified structure. Besides, the very term “deduction” is somewhat puzzling. In what sense is the term used? Probably not in the sense we are used to, as a process of logical transition from the general to the particular and the unique as well as the logical conclusion, i.e. the transition from premises to the conclusion and consequences.¹⁰

⁹ “Die Erklärung der objektiven Gültigkeit subjektiver Bedingungen des Denkens ist die Begründung dafür, dass die Begriffe der Metaphysik Bedingungen der empirischen Erkenntnis sind. [...] Mit anderen Worten: wir haben den Schlüssel zu dem ‘Geheimnisse’ der Metaphysik gefunden, indem wir eine Erklärung für die Beziehung der Begriffe des Verstandes auf Gegenstände geben.”

¹⁰ Jens Timmerman warns: “Kant’s deductions should not be confused with the standard ‘top down’ deductions or derivations of formal logic. They serve to corroborate that we are entitled to use a concept that can only be employed in a synthetic judgement *a priori*. For this purpose, we need to trace the origin of a concept and check whether the connection made is legitimate. This is one of the tasks indigenous to his critical philosophy (Timmerman, 2007, pp. XXII–XXIII).

кругов в XVIII в.⁸ Юридическое значение понятия вместе с работами Канта проникло в философию. Так, Ульрих Зеберг подчеркивает, что дедукция может быть найдена в ключевых местах основных сочинений Канта. В частности, существует трансцендентальная дедукция чистых рассудочных понятий, идей чистого разума, категорического императива, основоположений чистого практического разума, обязанности добродетели, понятия высшего Блага, идеи оправдания, чистых эстетических суждений, понятия первоначального приобретения, приобретения через договор и, наконец, дедукция эфира (см.: Seeberg, 2015, S. 348). Стало быть, в качестве синонимов понятия «дедукция» следует рассматривать термины «обоснование», «оправдание», «выведение», в определенном смысле — «доказательство».

Сложность дедуктивной структуры заключается в следующем. Во-первых, дедукция возникает уже в разделе «Трансцендентальная эстетика», где, как утверждает Кант, «мы с помощью трансцендентальной дедукции проследили понятия пространства и времени вплоть до их источников, объяснили и определили их объективную значимость *a priori*» (A 87 / B 119–120; Кант, 2006а, с. 189). Здесь в состав дедукции в качестве начального этапа входит процедура, которую позже назовут трансцендентальной *редукцией*⁹ и которую до Канта успешно осуществляли Платон, Августин, Декарт, а после Канта — Гуссерль и др.

⁸ Как поясняет Марио Каими, в XVIII в. «дедукции представляли собою обвинения, поданные в императорский суд. Именно с помощью дедукций решались вопросы международного права и разрешались конфликты между государствами или королевствами. Каждая из противоборствующих сторон стремилась доказать законность своих требований путем «дедукций», в которых они пытались заявить, что их требования основаны на принципах права, которые признаются законными. Кроме того, юридические дедукции имели специфическую риторическую структуру. Считалось нормальным сформулировать одно и то же утверждение много раз, с разных точек зрения, что объясняет частоту повторений и окольных путей в одном тексте (поразительная особенность версии А «Трансцендентальной дедукции»). Типичным было также добавление краткого изложения дедукции в конце документа. <...> Но это не означает, что кантовская дедукция 1787 года не имеет никакой логической структуры, кроме этих риторических черт» (Caimi, 2014, p. 14).

⁹ Термин «редукция» используется здесь в значении совокупности всех базовых процедур очищения сознания с целью достижения его глубинных структур, а также для обозначения процесса регрессивного перехода к первоначальному этапу какого-либо процесса или сущности («редукция к началу»). Процедуры редукции в первой «Критике» встречаются неоднократно: А 20–21 / В 35 (редукция понятия тела), А 22 / В 36 (редукция чувственности, экспликация пространства и времени), А 26–27 / В 42–43 (редукция пространства), А 34–35 / В 51–52 (редукция времени), А 62–64 / В 87–89 (редукция рассудка), А 252 (редукция чувственного созерцания, достижение ноумена), А 491–496 / В 519–525 (редукция к явлениям), А 523–526 / В 551–554 (редукция как регресс).

Explaining this term Kant himself invokes legal practice and says that in the legal milieu deduction refers to *proof of right* or *justice of claims*. This use of words was apparently characteristic of non-philosophical circles in the eighteenth century.¹¹ The legal meaning of the concept has penetrated philosophy along with Kant's works. Thus Ulrich Seeberg stresses that deduction can be found in key places of Kant's main works. Thus there exists the transcendental deduction of pure concepts of understanding, ideas of pure reason, the categorical imperative, the principles of pure practical reason, the duty of virtue, the concept of supreme Good, the ideas of justification, pure esthetic judgments, the concepts of initial acquisition, acquisition under contract and, finally, the deduction of ether (see: Seeberg, 2015, p. 348). Thus, the concept of "deduction" can be said to have such synonymous terms as "grounding," "justification," "derivation," and in a certain sense, "proof."

The complexity of deductive structure consists in the following. First, deduction appears already in the "Transcendental Aesthetics" section in which Kant writes: "We have above traced the concepts of space and time to their sources by means of a transcendental deduction, and explained and determined their *a priori* objective validity" (KrV, A 87 / B 120; Kant, 1998, p. 221). Here deduction includes as the initial stage a procedure that would later be called transcendental *reduction*,¹² which was successfully used by Plato, Augustine, Descartes before Kant and Husserl and others after Kant.

¹¹ Mario Caimi explains that in the eighteenth century "deductions were allegations presented before the courts of justice of the Emperor. It was through deductions that issues of international law were handled and conflicts between states or kingdoms expounded. Each one of the contending parties aimed at proving the legitimacy of its claims by means of "deductions" in which they endeavoured to state that their claims were founded upon principles of law universally admitted as legitimate. Furthermore, juridical deductions had a specific rhetorical structure. It was normal to formulate the same claim many times from different points of view, which explains the frequency of repetitions and detours within a single text (a striking feature of the A version of the 'Transcendental Deduction'). It was also typical to add a summary of the deduction at the end. [...] But that does not mean that the Kantian Deduction of 1787 has no logical structure beyond these rhetorical features" (Caimi, 2014, p. 14).

¹² The term "reduction" is used here to refer to the totality of all the basic procedures of cleansing consciousness to reach down to its deepest structures and to denote the process of regressive transition to the initial stages of a process or entity ("reduction to the beginning"). The procedures of reduction in the first *Critique* occur more than once: A 20-21 / B 35 (reduction of the concept of body), A 22 / B 36 (reduction of sensibility, explication of space and time), A 26-27 / B 42-43 (reduction of space), A 34-35 / B 51-52 (reduction of time), A 62-64 / B 87-89 (reduction of reason), A 252 (reduction of sense perception, achievement of the thing in itself) A 491-496 / B 519-525 (reduction to phenomena), A 523-526 / B 551-554 (reduction as regress).

Сущность редукции в данном случае заключаются в том, что необходимо: а) изолировать при помощи мысленного эксперимента чувственность от всего, что мыслит рассудок, кроме эмпирического созерцания; б) точно таким же путем отделить от созерцания все, что принадлежит ощущению. Иначе говоря, всю содержательную область чувственности нужно освободить от содержания, оставив одни лишь *формы* самого чувственного созерцания. Таким образом, целью редукции является обнаружение чистых форм чувственного созерцания — пространства и времени как принципов познания *a priori* (A 22 / B 36; Кант, 2006а, с. 93). После этого следует заключительный этап — собственно трансцендентальная дедукция, устанавливающая эмпирическую реальность и трансцендентальную идеальность пространства и времени. Дедукцию в «Эстетике», состоящую, как мы видим, из редукции и собственно дедукции, можно считать первой частью (этапом) общей трансцендентальной дедукции, которая присутствует в «Критике чистого познания».

Таким образом, система трансцендентальной дедукции, содержащейся в первой «Критике», состоит из трех частей: 1) дедукции пространства и времени как априорных форм чувственного восприятия, 2) дедукции чистых рассудочных понятий, 3) дедукции идей разума.

Во-вторых, *подступы* к дедукции понятий возникают во введении к трансцендентальной логике (A 50–65 / B 74–88). Здесь мы сталкиваемся с трансцендентальной редукцией конститутивного рассудка. Кант говорит, что в трансцендентальной логике «мы обособляем рассудок (как в трансцендентальной эстетике обособляем чувственность) и выделяем из области наших познаний только ту часть мышления, которая имеет свой источник лишь в рассудке» (A 62 / B 87; Кант, 2006а, с. 151). В дальнейшем это общее требование конкретизируется: а) понятия должны быть чистыми, а не эмпирическими; б) они должны принадлежать рассудку, а не созерцанию и чувственности; в) они должны быть первоначальными, а не производными; г) их таблица должна быть полной (A 64 / B 89; Кант, 2006а, с. 153). Здесь также необходимо использовать аналитический метод и мысленный эксперимент.

Стало быть, уже сейчас можно сделать обоснованное заключение: для того чтобы было возможно осуществить, во-первых, трансцендентальную дедукцию пространства и времени и, во-вторых, дедукцию чистых рассудочных понятий, необхо-

The essence of reduction in this case lies in the fact that it is necessary: a) to isolate through thought experiment sensibility from everything that understanding thinks of except empirical contemplation, b) in the same way, separate from contemplation everything that pertains to sensation. In other words, the entire substantive area of sensibility must be freed from content leaving only *the forms* of sense perception itself. Thus the aim of reduction is to discover pure forms of sense perception of space and time as principles of *a priori* perception (*KrV*, A 22 / B 36; Kant, 1998, p. 157). Then comes the final stage: transcendental deduction proper which establishes empirical reality and transcendental ideality of space and time. Deduction in the “Aesthetics” which, as we see, consists in reduction and deduction proper, can be seen as the first part (stage) of general transcendental deduction which is present in the *Critique of Pure Reason*.

Thus the system of transcendental deduction contained in the first *Critique* has three parts: 1) deduction of space and time as *a priori* forms of sense perception, 2) deduction of pure concepts of understanding, and 3) deductions of the ideas of reason.

Secondly, *approaches* to the deduction of concepts arise in the introduction to transcendental logic (A 50–65 / B 74–88). Here we are confronted with the transcendental reduction of constitutive understanding. Kant says that in transcendental logic “we isolate the understanding (as we did above with sensibility in the transcendental aesthetic), and elevate from our cognition merely the part of our thought that has its origin solely in the understanding” (*KrV*, A 62 / B 87; Kant, 1998, p. 199). Subsequently, this general requirement is elaborated: a) the concepts must be pure and not empirical, b) they must belong to understanding and not to contemplation and sensibility, c) they must be primary and not derivative, and d) their table must be complete (*KrV*, A 64 / B 89; Kant, 1998, p. 201). It is also necessary to use here the analytical method and thought experiment.

Thus, already at this stage one can reasonably conclude that in order to carry out, first, the transcendental deduction of space and time and, second, the deduction of pure concepts of understanding a special and initial (one might say *primordial*) mental procedure called *transcendental reduction* is needed. In each of these two cases *reduction is the condition of the possibility* of transcendental deduction.

дима специальная и первоначальная (можно сказать — примордиальная) ментальная процедура — трансцендентальная редукция. В каждом из этих двух случаев редукция выступает как условие возможности трансцендентальной дедукции.

Теперь перейдем непосредственно к дедукции чистых рассудочных понятий¹⁰. Разумеется, в рамках статьи отсутствуют пространство и необходимость для подробного ее описания и анализа, однако можно указать некоторые существенные характеристики. Каковы цель, задачи и механизмы дедукции понятий?

Для достижения целого комплекса задач трансцендентальной философии Кант в первую очередь «должен был объяснить, как чистое мышление может антиципировать чувственный опыт, порождая априорные синтетические познания. Ответ на этот вопрос... Кант искал на путях учения об активности души» (Васильев, 2010, с. 332). Именно синтетическая и продуктивная активность сознания должна была объяснить коррелятивную связь между Я как таковым (первоначальным единством апперцепции) и неким трансцендентальным объектом.

Диетер Хенрих справедливо полагает:

Трансцендентальная дедукция категорий — самое сердце «Критики чистого разума». Она содержит два основных доказательства этой книги: одно из них демонстрирует возможность систематического познания опыта, а другое — невозможность познания за пределами опыта. Сам Кант считал эту теорию совершенно новой и чрезвычайно сложной. Более того, он признал, что ему стоило величайшего труда выработать удовлетворительное изложение своей теории (Henrich, 1969, p. 640).

Данное высказывание — самая общая и вместе с тем наиболее точная и емкая характеристика целей и значимости трансцендентальной дедукции понятий. В имплицитном виде оно содержит многие функции этой процедуры. Попытаюсь их эксплицитировать и дополнить.

С самого начала дедукция категорий преследует главную задачу «Аналитики понятий»: доказать объективную значимость чистых понятий рассудка. Иначе говоря, нужно ответить на вопрос: в силу чего «понятия *a priori* следует признать условиями *a priori* возможности опыта (будь то возможности со-

¹⁰ В статье рассматривается прежде всего и главным образом трансцендентальная дедукция чистых рассудочных понятий второго издания «Критики чистого разума» (1787).

Let us now pass on directly to the deduction of pure concepts of understanding.¹³ This article does not of course have the space or the need for its detailed description and analysis; however, some of its essential characteristics can be pointed out. What are the goal, tasks and mechanisms of the deduction of concepts?

To accomplish the range of tasks of transcendental philosophy, Kant, first of all, “had to explain how pure thought can anticipate sense experience generating *a priori* synthetic knowledge. Kant sought an answer to this question [...] through the teaching on the activity of the mind” (Vasilyev, 2010, p. 332). It is the synthetic and productive activity of consciousness that is called upon to explain the correlation between the self as such (the primary unity of apperception) and a transcendental object.

Dieter Henrich rightly notes that

The transcendental deduction of the categories is the very heart of *The Critique of Pure Reason*. It contains the two principal proofs of the book, the one demonstrating the possibility of a systematic knowledge of experience and the other the impossibility of knowledge beyond the limits of experience. Kant himself considered this theory completely new and extremely complicated; moreover, he conceded that he had great difficulty in working out a satisfactory exposition of his theory (Henrich, 1969, p. 640).

In this case it is the most general and at the same time the most precise and concise statement of the goals and significance of the transcendental deduction of concepts. Henrich’s statement implicitly contains many functions of this procedure. I shall try to explicate and enlarge upon them.

From the very beginning the deduction of categories pursues the main task of the “Analytic of Concepts”: to prove the objective significance of pure concepts of understanding. In other words, an answer must be given to the question why “they [*a priori* concepts] must be recognised as *a priori* conditions of the possibility of experiences (whether of the intuition that is encountered in them, or of the

¹³ The article focuses primarily and chiefly on the transcendental deduction of concepts of pure understanding in the second edition of the *Critique of Pure Reason* (1787).

зерцания, встречающегося в опыте, или возможности мышления)» (A 94 / B 126; Кант, 2006а, с. 197)¹¹. Если категории представляют собою объективные основания возможности опыта, то они являются необходимыми. Однако — и это очень важно! — если понятия не имеют отношения к возможному опыту, в котором мы имеем дело с предметами познания, то в таком случае их отношение к какому бы то ни было объекту вовсе нельзя понять.

Ключевым понятием (и механизмом осуществления) трансцендентальной дедукции категорий является «связь» (*Verbindung, conjunctio*). Связь есть действие рассудка; и с помощью этого действия мы осуществляем *синтез* (= связываем) все многообразное в чувственных созерцаниях или же в понятиях. Связь — это единственное представление, которое «не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо [установление связи] есть акт его самостоятельности» (B 130; Кант, 2006а, с. 201). Рассудок, стало быть, обладает важнейшим качеством спонтанности¹². Само же понятие связи естественным образом предполагает, что в основе ее как способа действия лежит некоторое *единство*, а именно — синтетическое единство многообразного. Следовательно, категории изначально предполагают единство.

Подобное единство (= «я мыслю») есть не что иное, как чистое, изначальное (неэмпирическое, внечувственное) представление (или стихийный

¹¹ Кант вкратце формулирует сущность дедукции таким образом: «Дедукция чистых рассудочных понятий (и вместе с тем всего теоретического познания *a priori*) есть показ этих понятий как принципов возможности опыта, причем опыт рассматривается как *определение* явлений в пространстве и времени *вообще*, а это определение, в свою очередь, выводится из *первоначального* синтетического единства апперцепции как формы рассудка в отношении к пространству и времени, представляющим собой первоначальные формы чувственности» (B 168–169; Кант, 2006а, с. 247).

¹² «Понятие спонтанности, или самостоятельности, вовсе не отсутствует в первом издании “Критики”. Действительно, Кант представляет его на самой первой странице “Введения в трансцендентальную логику”, где рассудок характеризуется как “спонтанность понятий” и противопоставляется “восприимчивости к впечатлениям” (A 51 / B 75). И мы видели, что в А-Дедукции Кант повторяет эту характеристику в контексте перечисления различных описаний, которые он дал для рассудка, прежде чем остановиться на своей предпочтительной характеристике его как “способности давать правила” (A 126). Оно [понятие спонтанности] играет гораздо более заметную роль в В-Дедукции, где, в дополнение к цитируемому выше отрывку, появляется пять раз. Тем не менее представляется разумным предположить, что это увеличение значимости связано не с доктринальным изменением, а с пересмотренной структурой аргумента» (Allison, 2015, p. 331).

thinking)» (*KrV*, A 94 / B 126; Kant, 1998, p. 225).¹⁴ If categories represent objective conditions of the possibility of experience, then they are necessary. However – and this needs to be stressed – if concepts do not relate to possible experience in which we deal with objects of cognition, then their relation to any object is impossible to understand.

The key concept (and mechanism) of the transcendental deduction of categories is the concept of “*conjunction*” (*Verbindung, conjunctio*). Conjunction is an act of understanding; through this action we effect a *synthesis* (= link) of the manifold of sense perceptions or concepts. “Combination is the only one that is not given through objects but can be executed only by the subject itself, since it is an act of its self-activity” (*KrV*, B 130; Kant, 1998, p. 245). Understanding therefore has the key quality of spontaneity.¹⁵ The concept of combination naturally implies that as a mode of action it is based on a certain *unity*, namely a synthetic unity of the manifold. Thus, categories inherently imply unity.

Such unity (= “I think”) is none other than a pure, initial (non-empirical, non-sensible) idea (or a spontaneous act) which Kant calls *initial apperception*. The unity of this self-consciousness is called transcendental unity of apperception. Accordingly, “the transcendental unity of apperception is that unity through which all of the manifold given in an intuition is united in a concept of the object” (*KrV*, B 139; Kant, 1998, p. 250). For this reason the transcendental unity of apperception is described as *objective*. The transcendental unity of appercep-

¹⁴ Kant thus sums up the essence of deduction: “It is the exhibition of the pure concepts of the understanding (and with them of all theoretical cognition *a priori*) as principles of the possibility of experience, but of the latter as the determination of appearances in space and time in general – and the latter, finally, from the principle of the original synthetic unity of apperception, as the form of the understanding in relation to space and time, as original forms of sensibility” (*KrV*, B 168–169; Kant, 1998, p. 267).

¹⁵ “The notion of spontaneity or self-activity is not absent from the first edition of the *Critique*. Indeed, Kant introduces it on the very first page of the ‘Introduction to the Transcendental Logic’, where the understanding is characterised as the ‘spontaneity of cognition’ and contrasted with the receptivity of sensibility (A 51 / B 75). And we have seen that in the A-Deduction Kant reiterates this characterisation in the context of a catalogue of various descriptions that he has given of the understanding before settling on his preferred characterisation of it as the ‘faculty of rules’ (A 126). It plays a far more prominent role in the B-Deduction, however, where, in addition to the above-cited passage, it appears five times. Nevertheless, it seems reasonable to surmise that this increased prominence is due not to a doctrinal change but to the revised structure of the argument” (Allison, 2015, p. 331).

акт), которое Кант называет *первоначальной апперцепцией*. Единство этого самосознания называется трансцендентальным единством самосознания (= апперцепции). Соответственно, «*трансцендентальное единство* апперцепции есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании многообразное объединяется в понятие об объекте» (В 139; Кант, 2006а, с. 211). Именно по этой причине трансцендентальное единство апперцепции и называется *объективным*. Трансцендентальное единство апперцепции и трансцендентальный синтез способности воображения конституируют в конечном итоге предмет опыта¹³. В таком случае все чувственные созерцания с необходимостью подчиняются категориям рассудка как условиям возможности и правилам синтетического единства и, стало быть, опыта в целом. Однако категории не имеют применения за пределами опыта, то есть эмпирического, или чувственно-рассудочного, знания и познания, и, следовательно, не могут быть эффективно использованы в сфере мышления (а не познания), ибо там они окажутся пустыми.

Итак, дедукция чистых рассудочных понятий (а кроме нее также аналитика основоположений как совокупность условий применения категорий) дает ответ на фундаментальный вопрос: как возможны синтетические суждения *a priori*? Кантовский ответ с течением времени стал звучать как афоризм: такие суждения возможны в том случае, «если мы относим к возможному опытному познанию вообще формальные условия созерцания *a priori*, синтез воображения и необходимое единство его в трансцендентальной апперцепции и если мы говорим: условия возможности опыта вообще суть вместе с тем условия возможности предметов опыта и потому имеют объективную значимость в синтетическом суждении *a priori*» (А 158 / В 197; Кант, 2006а, с. 279).

Какие выводы будет позволительно сделать в отношении значимости, целей и функций трансцендентальной дедукции категорий?

¹³ Люси Эллейс подчеркивает две важнейшие функции трансцендентального синтеза: «Во-первых... синтезирование многообразного с неизбежностью и универсальностью, которую несут категории, необходимо для определения объекта мышления, которому можно приписать эмпирические свойства. Он [Кант] говорит, что априорный синтез определяет объект наших представлений и что без этой мысли нет связи с объектом. Во-вторых... этот синтез связан с нашей способностью самосознания — способностью осознавать себя в качестве субъекта своего мышления, что, по мнению Канта, по существу предполагает осознание себя как необходимо единого субъекта мышления» (Allais, 2015, p. 271).

tion and transcendental synthesis of the ability to imagine ultimately constitute the object of experience.¹⁶ In that case all the sensible observations must be subordinate to the categories of understanding as conditions of the possibility and the rules of synthetic unity and hence experience as a whole. However, categories have no use beyond experience, i.e. empirical or sensible-reasonable knowledge or cognition and consequently cannot be effectively used in the sphere of thought (nor in cognition) because they turn out to be hollow there.

Thus, the deduction of pure concepts of understanding (and, in addition, the analytic of principles as a totality of conditions for the use of categories) provide an answer to the fundamental question, “How are *a priori* synthetic judgments possible?” Kant’s answer has over time acquired the nature of an aphorism: such judgments are possible “if we relate the formal conditions of *a priori* intuition, the synthesis of the imagination, and its necessary unity in a transcendental apperception to a possible cognition of experience in general, and say: The conditions of the possibility of experience in general are at the same time conditions of the possibility of the objects of experience, and on this account have objective validity in a synthetic judgment *a priori*” (KrV, A 158 / B 197; Kant, 1998, p. 283).

What conclusions can be drawn regarding the significance, goals and functions of the transcendental deduction of categories?

First, deduction of concepts demonstrates the essence and mechanism of *transcendental* cognition and knowledge, i.e. *synthesis* of sensibility and understanding. Herein lies the answer to the question: *what* and *how* can we know and cognise? Accordingly, it has to do with the sphere of *cognition* and not *thought* as such. The significance of such a demonstration is impossible to overestimate: Kant effectively explains not only scientific (natural scientific) but also day-to-day cognition.

¹⁶ Lucy Allais stresses two key functions of transcendental synthesis: “First, [...] synthesising the manifold of intuition with the necessity and universality that the categories bring is necessary to determine an object for thought to which empirical properties could be attributed. He [i.e. Kant] says that *a priori* synthesis determines an object for our representations and that without this thought lacks relation to an object. Second, [...] this synthesis is bound up with the capacity to be self-conscious – the capacity to be aware of oneself as the subject of one’s thought, which, according to Kant, essentially involves being aware of oneself as a necessarily unified subject of thought” (Allais, 2015, p. 271).

Во-первых, дедукция понятий демонстрирует сущность и механизм *трансцендентального* познания и знания, то есть *синтеза* чувственности и рассудка. Именно здесь лежит ответ на вопрос: *что и каким путем* мы можем знать и познавать? Соответственно, рассматривается сфера *познания*, а не *мышления* как такового. Значимость такой демонстрации невозможно переоценить: Кант, по сути, обосновывает не только научное (естественнонаучное), но также и обыденное, повседневное познание.

Во-вторых, в отличие от предшествующей и современной ему метафизики, Кант использует для доказательства своих положений убедительные философские доводы, приучая тем самым метафизиков к практике аргументации, а не постулирования своих концепций. По мнению Д. Хенриха,

базовый аргумент своей трансцендентальной дедукции Кант основывает не на неопровержимом *объяснении* самосознания посредством философской теории, а на неотделимости знания о принципах синтеза от действительного и изначального самосознания как такового: душа, как неоднократно и однозначно утверждал Кант, не могла бы быть уверена в своем единстве, если бы у нее не было «*перед глазами*» функции, которая подчиняет весь синтез трансцендентальному единству (Henrich, 1976, S. 64).

В-третьих, справедливость разделения способностей разума в широком смысле слова на *познание* (чувственно-рассудочное) и *мышление* (абстрактное) подкрепляется аргументами. Первая способность непременно опирается на чувственный материал, который синтезируется рассудком, и функционирует в сфере причинности через необходимость. Вторая творит регулятивные идеи разума, которые не связаны напрямую с эмпирическим (чувственно-рассудочным) знанием, и действует в практической области причинности через свободу.

В-четвертых, механизм синтеза¹⁴ подтверждает справедливость и обоснованность кантовской дихотомии «явления — вещи сами по себе». Действительно, мы познаем лишь явления, ибо сформированный нами предмет познания с необходимостью подчиняется параметрам и особенностям наших

¹⁴ Более детальное и даже наглядное изложение трансцендентального синтеза в первом издании «Критики чистого разума», которое Кант считал чрезмерно «психологическим» и изменил во втором издании, демонстрирует поэтапное формирование предмета познания как результата действия: а) синтеза аппрегензии (схватывания), б) синтеза воспроизведения в воображении и в) синтеза рекогниции в понятии.

Secondly, unlike previous and contemporary metaphysics, Kant adduces convincing philosophical arguments to prove his point, thus introducing into metaphysics the practice of arguing and not postulating concepts. In Henrich's opinion,

Kant bases the main argument for his transcendental deduction not on irrefutable *explanation* of self-consciousness through philosophical theory, but on the inseparability of knowledge of the principles of synthesis from the actual and initial self-consciousness as such. The soul, as Kant repeatedly and clearly claimed, would not have been sure of its unity if did not have “*before its eyes*” the function that subordinates all synthesis to transcendental unity (Henrich, 1976, p. 64).¹⁷

Third, the validity of separating the capacity of reason in the broad sense of the word into *cognition* (through senses and understanding) and *thought* (abstract) is bolstered by arguments. The first capacity invariably proceeds from sensible material which is synthesised by understanding and functions in the sphere of causality through necessity. The second creates regulative ideas of reason not directly related to empirical (i.e. involving senses and understanding) knowledge but operates in the practical field of causality through freedom.

Fourth, the mechanism of synthesis¹⁸ corroborates the Kantian “phenomenon – thing in itself” dichotomy. Indeed, we cognise only phenomena because the object of cognition we have formed must be subordinate to the parameters and characteristics of our cognitive capacity and consequently is *limited* by these capacities and is not universally characteristic of all subjects.

¹⁷ “Kant gründet aber das Grundargument seiner transzendentalen Deduktion nicht auf eine unabweibare Erklärung des Selbstbewußtseins durch die philosophische Theorie, sondern auf die Unabtrennbarkeit eines Wissens von den Prinzipien der Synthesis vom wirklichen und ursprünglichen Selbstbewußtsein als solchem: Das Gemüt, so äußert sich Kant mehrfach und unzweideutig, könnte sich unmöglich seiner Einheit gewiß sein, wenn es nicht die Funktion ‘vor Augen hätte’, welche alle Synthesis einer transzendentalen Einheit unterwirft.”

¹⁸ A more detailed and even demonstrative explication of transcendental synthesis in the first edition of the *Critique of Pure Reason*, which Kant thought to be excessively “psychological” and changed in the second edition, demonstrates step-by-step formation of the object of cognition as the result of the action of a) synthesis of apprehension (capture), b) synthesis of reproduction in imagination and c) synthesis of recognition in a concept.

познавательных способностей и, следовательно, носит *ограниченный* этими способностями, а вовсе не всеобщий, присущий всем субъектам характер.

В-пятых, раскрывается сущность и область действия категорий рассудка. Становится очевидно, что «объективная значимость чистых понятий рассудка доказывается только тогда, когда показано, что они на самом деле относятся к объектам и не являются пустыми» (Heidemann, 2015a, S. 360).

В-шестых, в дедукции закладывается основа разделения всего человеческого существования на сферы теоретического и практического разума, ибо однозначно и четко определяется та область, о которой мы можем иметь *знание* и где существует *наука*, и, следовательно, указывается иное поле экзистенции, в котором действуют отличные от познавательной сферы принципы, закономерности и совсем другая причинность.

В-седьмых, тем самым осуществляется, пока еще имплицитно, попытка спасти трансцендентальную свободу, указав на область ее действия. Косвенное указание содержится уже в том, что «категории как функции являются средствами, с помощью которых синтез данных представлений применяется к объектам. Так как они предшествуют всему опыту, можно предположить, что они также могут использоваться независимо от всех особенностей данного в опыте и, следовательно, также без ограничений и в отношении всего, что может относиться к данности» (Henrich, 1976, S. 22). Стало быть, категории могут использоваться также и в практической сфере, но уже не как средства *познания* в строгом значении слова, а как инструменты *мышления* в отношении умопостигаемых вещей.

Дедукция трансцендентальной свободы

Стремление Канта реформировать всю систему метафизики на трансцендентальных началах и создать в конце концов завершенную архитеконику чистого разума *изначально* подразумевало создание новаторского этического учения, которому философ отдавал приоритет («примат») перед теоретической философией и которое, по его мысли, гораздо важнее для людей, для их повседневной жизни, нежели сложные вопросы познания.

Канта нисколько не удовлетворили разнообразные усилия предшественников построить обновленные этические системы. Например, попытка Х. Вольфа создать этику, опирающуюся на понятие «совершенство» (*perfectio*) и фундированную мета-

Fifth, the essence and sphere of activity of the categories of reason are explained. It is obvious that “the objective significance of pure concepts of understanding is proved only when it is demonstrated that they actually refer to objects and are not hollow” (Heidemann, 2015a, p. 360).¹⁹

Sixth, deduction lays the foundation for dividing all human existence into spheres of theoretical and practical reason because it clearly and unambiguously outlines the area which we can *know* and where *science* exists and, consequently, indicates a different field of existence in which principles, regularities and causality different from the cognitive sphere are at work.

Seventh, thereby an attempt is made, if still only implicitly, to rescue transcendental freedom by indicating its area. An indirect pointer is already provided by the statement that “categories as functions are means through which the synthesis of given perceptions is applied to objects. Because they precede all experience it may be assumed that they can also be used independently from all the features of what is given in experience and consequently also without limitation with regard to everything that is given” (Henrich, 1976, p. 22).²⁰ Therefore, categories can also be used in the practical sphere, but not as means of *cognition* in the rigorous sense of the word but as instruments of *thought* with regard to intelligible objects.

Deduction of Transcendental Freedom

Kant's wish to reform the whole system of metaphysics based on transcendental principles and to create, at long last, a complete architectonics of pure reason *inherently* implies the creation of a ground-breaking ethical doctrine to which the philosopher attached priority (“primacy”) over theoretical philosophy and which he thought to be far more important for people in their day-to-day life than complicated issues of cognition.

¹⁹ “Die objektive Gültigkeit reiner Verstandesbegriffe ist folglich erst dann erwiesen, wenn gezeigt ist, dass sie sich tatsächlich auf Gegenstände beziehen und nicht leer sind.”

²⁰ “Kategorien als Funktionen sind Hinsichten, unter denen sich die Synthesis gegebener Vorstellungen zu Objekten vollzieht. Da sie aller Erfahrung voraus angegeben werden können, ist zu vermuten, dass sie auch unabhängig von allen Besonderheiten des Gegebenen und damit auch ohne Einschränkung und in Beziehung auf alles gebraucht werden können, was möglicherweise zur Gegebenheit kommt.”

физическими и логическими основаниями — что, безусловно, представляло собою определенный прогресс в этической мысли того времени, — не была принята Кантом в качестве заслуживающей серьезного внимания.

Несмотря на то что «совершенство» понималось Вольфом как согласие в разнообразии, или как согласие многих вещей, которые взаимно отличаются друг от друга в одной вещи, а также несмотря на то, что совершенство означало прежде всего наличие правильной связи между понятиями согласно логическим законам, и в первую очередь закону достаточного основания, Кант не согласился с тем, что такая этическая система базируется на неэмпирических и безусловных принципах разума. Ибо, как полагал Вольф, выбирать добро и избегать зла является для нашей души *естественным* делом и, следовательно, высшим правилом морали должно стать следование закону природы человеческого духа.

Подобный эмпиризм и эклектику Кант поддерживать не мог, поскольку та философия, которая

перемешивает чистые принципы с эмпирическими, не заслуживает даже имени философии (так как последняя именно тем и отличается от обыденного познания разума, что излагает в обособленной науке то, что обыденное познание разума охватывает только в смешанности), и еще в меньшей степени заслуживает она названия моральной философии, так как именно через это смешение она вредит даже чистоте самих нравов и поступает вопреки своей собственной цели (AA 04, S. 390; Кант, 1997б, с. 49—51).

Стало быть, необходимо разработать новую этику, которая никак не зависела бы от эмпирических реалий и могла бы претендовать на общезначимый статус. Такая «чистая моральная философия», или «метафизика нравственности», по мнению Канта, должна быть «вполне освобождена от всего вообще эмпирического и принадлежащего к антропологии; а что такая чистая моральная философия должна существовать, явствует само собой из общей идеи долга и нравственных законов» (AA 04, S. 389; Кант, 1997б, с. 45—47).

Таким образом, нравственная философия должна базироваться на моральном законе, который мог бы стать фундаментом обязательности (= нормативности) и абсолютной необходимости в сфере практического действия. Такого рода нравственный закон следует искать не в природе человека или каких-то обстоятельствах окружающего мира, но исключительно только в априорных по-

Kant was not at all satisfied with the various efforts of his predecessors at building new ethical systems. For example, Wolf's attempt to create an ethic based on the concept of "perfection" (*perfectio*) and bolstered by metaphysical and logical considerations — while undoubtedly marking some progress in the ethical thought of the time — was not accepted by Kant as deserving serious attention.

Although Wolf understood "perfection" as harmony in diversity or as a concordance of many things different from one another within one thing, and despite the fact that perfection meant above all the existence of the right connection between concepts in accordance with logical laws, primarily the law of sufficient grounding, Kant disagreed that such an ethical system was based on non-empirical and unconditional principles of reason. For, as Wolf believed, choosing good and avoiding evil is a *natural* business for our soul and consequently the supreme moral rule should be following the law of the nature of human spirit.

Kant could not subscribe to such empiricism and eclecticism because the philosophy that

mixes these pure principles with empirical ones does not even deserve the name of philosophy (for what distinguishes philosophy from common rational cognition is just that it sets forth in separate sciences what the latter comprehends only mixed together); much less does it deserve the name of a moral philosophy, since by this very mixture it even infringes upon the purity of morals themselves and proceeds contrary to its own end (GMS, AA 04, p. 390; Kant, 2011, p. 9).

It is necessary therefore to develop a new ethics that would not depend in any way on empirical realities and could claim universal relevance. Such "a pure moral philosophy," or "metaphysics of morals," in Kant's opinion, must be "completely cleansed of everything that may be only empirical and that belongs to anthropology. For, that there must be such a philosophy is clear of itself from the common idea of duty and of moral laws" (GMS, AA 04, p. 389; Kant, 2011, p. 7).

Thus, moral philosophy must be based on moral law which could provide the foundation for obligatoriness (= normativeness) and absolute necessity in the sphere of practical action. Such a moral law should be searched for not in human nature or some circumstance in the surrounding

нениях практического разума. Следовательно, для обоснования такого закона необходима трансцендентальная дедукция основоположений чистого практического разума.

Дедукция чистого практического разума начинается уже в первой «Критике» в виде дедукции трансцендентальной свободы, продолжается в «Основоположении к метафизике нравов» (1785) и завершается в «Критике практического разума» (1788), причем в последней работе Кант несколько изменяет свой подход к дедукции основоположений.

Кант разъясняет в самом начале второй «Критики», что практические основоположения (принципы) служат для определения воли, которому подчинены *субъективные правила* (максимы) и *объективные законы*, имеющие силу для любого разумного существа. Способность разумного существа определять свои поступки сообразно с практическим законом называется *волей*. Максимы действующего морального индивида, коль скоро он является существом разумным, должны направлять к тому, чтобы его собственная воля и каждая максима поступка совпадали со всеобщей практической волей. Йенс Тиммерман разъясняет:

Путем толкования [основоположений] как априорных принципов становится ясно, что под основоположениями имеются в виду *объективные* основоположения, то есть практические законы. Опять же не следует отрицать, что этот поступок совершается у человека (и, возможно, у других существ, наделенных подобной волей) в соответствии с максимами, субъективными принципами воли. Объективным принципам, к которым разум предъявляет такие высокие требования, должны быть в состоянии удовлетворять субъективные принципы, максимы (Timmermann, 2003, S. 73).

Моральность *per se* есть отношение всякого поступка к практическому законодательству. Присутствие законодательства в личности способно создать такое положение дел, при котором индивидуальная воля могла бы рассматривать себя саму как устанавливающую всеобщие законы. Отсюда Кант выводит первую формулировку категорического императива: «поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» (AA 04, S. 421; Кант, 1997б, с. 143). Однако практическая воля должна быть, во-первых, *автономной*, то есть быть для самой себя законом, и, во-вторых, *автономная* воля должна иметь собственное основание. Вот это основание необходимо дедуцировать.

world, but exclusively in *a priori* concepts of practical reason. Hence, to develop such a law the transcendental deduction of principles of pure practical reason is necessary.

Deduction of pure practical reason begins in the first *Critique* in the shape of deduction of transcendental freedom, continues in the *Groundwork of the Metaphysics of Morals* (1785) and is completed in the *Critique of Practical Reason* (1788), the latter introducing a somewhat modified approach to the deduction of principles.

Kant explains at the very beginning of the second *Critique* that practical principles serve the definition of the will to which are subordinate the *subjective rules* (maxims) and *objective laws* that are valid for any intelligent creature. The ability of an intelligent creature to determine its actions in accordance with the practical law is called *will*. The maxims of the morally acting individual, inasmuch as he is a reasonable creature, must lead to his own will and each maxim of the act must coincide with the universal practical will. Jens Timmerman explains:

By interpreting [principles] as *a priori* principles it becomes clear that principles denote *objective* principles, i.e. practical laws. Again, one should not deny that man (and possibly other creatures endowed with such will) performs this act in accordance with the maxims, subjective principles of will. The subjective principles, or maxims, must be fully adequate to the objective principles on which reason sets such high requirements (Timmermann, 2003, p. 73).²¹

Morality *per se* is the relation of every act to practical legislation. The presence of legislation in a personality can result in individual will, considering itself to be establishing universal laws. From this Kant derives the first formulation of the categorical imperative: “act only according to that maxim through which you can at the same time will that it become a universal law” (GMS, AA 04, p. 421; Кант, 2011, p. 71). However, practical will must, first, be

²¹ “Durch die Erläuterung als Prinzipien *a priori* ist klar, daß mit den Grundsätzen objektive Grundsätze gemeint sind, also praktische Gesetze. Es soll wiederum nicht geleugnet werden, daß dieses Handeln beim Menschen (und bei möglichen anderen Wesen, die mit einem ähnlichen Willen ausgestattet sind) nach Maximen geschieht, nach subjektiven Prinzipien des Wollens. Den objektiven Grundsätzen, an welche die Vernunft so hohe Ansprüche stellt, müssen subjektive Grundsätze, Maximen, genügen können.”

Если воля (как способность определять поступки сообразно с законодательством) есть вид причинности разумных существ, осуществляющих практические действия, то трансцендентальная свобода является основанием самой воли. Кант стремится дедуцировать свободу из чистого практического разума. Но и сама трансцендентальная свобода (как вид причинности), в свою очередь, также является средством обоснования практического разума, поскольку непосредственно указывает на особый (интеллигибельный) мир, в котором тот и существует.

Свобода — это и есть тот самый *Schlussstein* практического разума и морального закона (императива). В таком случае

моральный закон, который действующее лицо признает в форме факта разума, теперь служит для дедукции трансцендентальной свободы.<...> Моральный закон определяет то, что «спекулятивная философия должна была оставить неопределенной, а именно закон для причинности, понятие которой в этой философии было только негативным; следовательно, только он дает этому понятию объективную реальность» [(AA 05, S. 47)] (Timmermann, 2015, S. 354).

Это означает, что реальность трансцендентальной свободы проявляется (эксплицируется) именно через моральный закон: коль скоро моральный закон существует и действует и эти реальные моральные поступки мы наблюдаем, значит, «позади него» стоит трансцендентальная свобода, которая является *причинностью* всех этих поступков, совершаемых под непосредственным влиянием морального императива.

При этом необходимо учитывать: несмотря на то что мы можем эмпирически воспринимать *последствия* существования морального закона, несмотря на то что Кант называет этот закон «фактом», тем не менее моральный закон не есть эмпирическое явление или факт, но представляет собою «факт чистого разума», то есть умопостигаемый факт и закон, управляющий моральным миром как совокупностью ценностей и миром практического (реального) действия.

Итак, эта взаимообусловленная дедукция, с одной стороны, является способом ограничения притязаний разума:

«Критика практического разума» также предназначена для установления пределов, но только в движении «изнутри наружу», а не «снаружи внутрь», как это происходит в «Критике чистого разума»:

autonomous, i.e. be a law unto itself and second, autonomous will must have its own grounds. The grounds need to be deduced.

If the will (as the ability to determine acts in accordance with legislation) is a type of causality of intelligent creatures effecting practical actions, transcendental freedom is the foundation of will itself. Kant seeks to deduce freedom from pure practical reason. But transcendental freedom (as a type of causality) in turn is a means of validation of practical reason because it directly points to the special (intelligible) world in which it exists.

Freedom is the very *Schlussstein* of practical reason and the moral law (imperative). In that case,

the moral law which the actor recognizes as a fact of reason now serves to deduce transcendental freedom. [...] The moral law determines that “which speculative philosophy had to leave undetermined, namely the law for a causality the concept of which was only negative in the latter, and thus for the first time provides objective reality to this concept” (5:47) (Timmermann, 2015, p. 354).²²

The above means that the reality of transcendental freedom manifests itself (is explicated) through the moral law: inasmuch as the moral law exists and acts and we observe these real moral acts, it has “behind it” transcendental freedom which is the *causality* of all these acts performed under the direct influence of the moral imperative.

It has to be borne in mind that although we may empirically perceive the *consequences* of the existence of the moral law, and although Kant calls this law a “fact,” nevertheless the moral law is not an empirical phenomenon or fact, but represents a “fact of pure reason”, i.e. an intelligible fact and law governing the moral world as a combination of values and the world of practical (real) action.

Thus, the mutually conditioned deduction, on the one hand, is a method of limiting the claims of reason:

The *Critique of Practical Reason* is also intended to set the limits, but only of a movement “from within to without” and not “from without to within,” as

²² “Allerdings dient das moralische Gesetz, das der Akteur in Gestalt eines Faktums der Vernunft anerkennt, nunmehr zur Deduktion der transzendentalen Freiheit. [...] Das moralische Gesetz bestimmt das, was speculative Philosophie unbestimmt lassen mußte, nämlich das Gesetz für eine Causalität, deren Begriff in der letzteren nur negativ war, und verschafft diesem also zuerst objective Realität” (5:47).”

здесь эмпирически побуждаемый разум, негативно ограниченный, должен быть удержан в самомнении быть единственно определяющим основанием воли (Moskopp, 2009, S. 209).

С другой стороны, она призвана решить сложнейшую реальную проблему как логической, так и — особенно — трансцендентальной дедукции предельно общих понятий (универсалий). Ибо дедукция свободы через практический разум, а дедукция этого последнего — через свободу (которая есть причинность *sui generis*, жизненно необходимая практическому разуму) совместно представляют собою, на мой взгляд, весьма плодотворную и удачную попытку теоретико-практического обоснования «вышнего» мира смыслов и ценностей, который венчает ту повседневную сферу, где царствует причинность через необходимость¹⁵. Таким образом, оба мира снова вместе: *the war is over!*

Различия дедукции опыта и дедукции свободы

Как мы увидели, дедукция свободы и дедукция категорий не только обладают специфическими особенностями, но и заметно различаются в некоторых существенных характеристиках.

Во-первых, теоретическое применение разума направлено на предметы, которые являются нам в качестве итогового результата нашего опыта — соединения чувственного многообразия с понятиями рассудка. Напротив, в своем практическом использовании чистый разум обращен не на предметы, а на собственные внутренние «продукты» — основания воли, которая обладает собственной причинностью, то есть свободой.

Во-вторых, трансцендентальной дедукции пространства и времени, а также дедукции категорий необходимо предшествует *трансцендентальная редукция* как способ очищения первоначально эмпирического исследуемого сознания от всех чувственных компонентов. Делается это для того, чтобы до-

¹⁵ Вот как эту проблему видит Р. Ч. С. Уокер: «Так как моральный мир построен не из явлений, а из верований (beliefs), которых требует практический разум с тем, чтобы этот мир возможно было назвать ноуменальным миром, то, если мы называем его таковым, мы должны делать все возможное, чтобы отличать ноумены в этом смысле от вещей, как они действительно существуют сами по себе. Конечно, истинная природа вещей остается такой же неизвестной, как и раньше; все, что мы сделали, — это поняли необходимость определенной системы верований и решили рассматривать их как составные части производной объективности» (Walker, 1978, p. 139).

it happens in the *Critique of Pure Reason*: negatively stated, empirically driven reason is here to be kept from the arrogance of claiming to be the sole determining ground of will (Moskopp, 2009, p. 209).²³

On the other hand, it is called upon to solve the extremely complicated real problem of logical and especially transcendental deduction of the most general concepts (universals). For deduction of freedom through practical reason and deduction of the latter through freedom (which is *sui generis* a causality that is a vital need of practical reason) together represent, in my opinion, a very fruitful and successful attempt to provide theoretical-practical grounding for the “higher” world of meanings and values that crowns the day-to-day sphere where causality through necessity holds sway.²⁴ Thus, both worlds come together again: *the war is over!*

Differences between Deduction of Experience and Deduction of Freedom

As we have seen, the deduction of freedom and the deduction of categories do not only have specific differences but are very different in terms of some substantive characteristics.

First, theoretical use of reason is aimed at objects given to us as the final result of our experience, the combination of the sensible manifold with concepts of understanding. By contrast, in its practical use pure reason is directed not at objects but at its own internal “products,” the principles of will which has its own causality, i.e. freedom.

Secondly, the transcendental deduction of space and time as well as the deduction of categories must be preceded by *transcendental reduction* as a means of cleansing initial empirically studied consciousness of all the sensible components. This is done in or-

²³ “Auch die KpV soll also Grenzen bestimmen, allerdings in einem Fortschreiten von ‘innen nach außen,’ nicht von ‘außen nach innen’ wie im Rahmen der KrV: Negativ umschrieben, soll hier die empirisch angeregte Vernunft von der Anmaßung abgehalten werden, alleiniger Bestimmungsgrund des Willens zu sein.”

²⁴ Walker has this take on the problem: “Since the moral world is constructed not from phenomena but from beliefs which practical reason requires it can perhaps be called a noumenal world, but if we call it such we must be careful to distinguish noumena in this sense from things as they really are in themselves. The real nature of things remains, of course, as unknown as ever; all we have done is to observe the need for a certain system of beliefs and decide to regard them as constitutive of a derivative objectivity” (Walker, 1978, p. 139).

стичь чистых форм, удалив при этом содержание. Для практического обоснования процедура редукции вовсе не требуется, поскольку совершается оно в интеллигибельном мире.

В-третьих, само движение практической дедукции в определенном смысле противоположно дедукции категорий: там обоснование продвигалось от чистых форм чувственного созерцания (пространства и времени) к рассудочным понятиям *a priori*, а от них — к основоположениям. Здесь же мы видим зеркальную картину: поскольку в этой сфере разум имеет дело не с предметами, а с чистой свободной волей, то следует идти от априорных основоположений к понятиям, а от этих последних — к моральным чувствам.

В-четвертых, дедукция в теоретической сфере наложила *veto* на притязания спекулятивного разума выходить за пределы возможных предметов опыта (правда, при этом сделала возможным мыслить понятия ноуменов и, стало быть, отмела все возражения против существования трансцендентальной свободы). Практическая дедукция явным образом указала на интеллигибельный мир разумных существ, то есть на сверхчувственную природу, которая подчиняется автономии чистого практического разума, не нарушая при этом механизм чувственно воспринимаемого мира.

В-пятых, в теоретической сфере конституируемый предмет непосредственно зависит от трансцендентального синтеза как способа или инструмента своего генезиса, но при этом «лично», с моральной точки зрения, «ничем не обязан ему». Тогда как в дедукции метафизики нравственности морально добрым является такое действие, которое не только соответствует конститутивному (!) нравственному закону, но и с необходимостью должно совершаться *ради этого закона*.

В-шестых, дедукция опыта имеет дело с *вещами*, причем не с философской категорией «вещь» (когда главной «вещью» является Бог), а с реальными вещами, предметами, которые мы хотим сделать объектами нашего исследования. Дедукция чистого практического разума должна обосновать необходимость и обязательность *морального закона*, который базируется на *чистой воле*, обладающей собственной причинностью — *свободой*, в свою очередь, делающей возможным *интеллигибельный мир*. Речь, стало быть, идет о взаимодействии с *ноуменами*.

В-седьмых, дедукция категорий в некотором смысле «уступает» практической дедукции в своей «чистоте», поскольку в ней неизбежно присутству-

der to achieve pure forms while eliminating content. The procedure of reduction is not required for practical grounding because it takes place in the intelligible world.

Third, the movement of practical deduction takes place, in a certain sense, in the opposite direction to the deduction of categories: in the former case explication proceeds from pure forms of sensible contemplation (of space and time) to *a priori* concepts of understanding and from them to principles. Here we see a mirror picture: because reason in this sphere has to do not with objects but with pure free will, one should proceed from *a priori* principles to concepts and from the latter to moral feelings.

Fourth, deduction in the theoretical sphere has vetoed the claims of speculative reason to go beyond the limits of possible objects of experience (true, it thereby made it possible to think in the concepts of noumena, and hence brushed aside all objections to the existence of transcendental freedom). Practical deduction clearly pointed to the intelligible world of intelligent creatures, i.e. supra-sensible nature, subordinate to the autonomy of pure practical reason without interfering with the mechanism of a sensibly perceived world.

Fifth, in the theoretical sphere the constituted object directly depends on transcendental synthesis as a method or instrument of its genesis, but “owes nothing to it” personally, i.e. from the moral point of view. Meanwhile in the deduction of the metaphysics of morality an act is morally kind if it does not merely correspond to the constitutive (!) moral law, but must be performed *for the sake of that law*.

Sixth, deduction of experience deals with *things*, not with the philosophical category of “thing” (where God is the main “thing”), but with real things, objects that we want to make the objects of our study. Deduction of pure practical reason must explain the need for and mandatory nature of *the moral law*, based on *pure will*, which has its own causality, *freedom*, which in turn makes the *intelligible world* possible. Thus we are looking at interaction with *noumena*.

Seventh, deduction of categories in a certain sense is not as “pure” as the practical deduction because it inevitably has sensible content, whereas the deduction of pure practical reason does not contain anything empirical.

ет чувственное содержание, в то время как в дедукции чистого практического разума не содержится ничего эмпирического.

Вместе с тем обе наши дедукции вовсе не являются антагонистическими. Между ними есть общее и, кроме того, существует определенная взаимопомощь. Кант прямо говорит о том, «сколь необходима, сколь полезна» была дедукция категорий для *теологии* и *морали*. Поскольку теоретическая дедукция продемонстрировала, что понятия рассудка: а) не имеют эмпирического происхождения и б) относятся к предметам вообще, независимо от созерцания, то тем самым она ограничила спекулятивное применение разума, устранила опасности считать понятия врожденными либо, напротив, сугубо эмпирическими и, следовательно, обосновала трансцендентальное познание вещей и наличие особого, интеллигибельного мира свободы и морали (AA 04, S. 141; Кант, 1997а, с. 673 – 675).

Заклучение

Итак, возможна ли метафизика как наука? Чтобы решить этот вопрос, она должна представить весь состав понятий *a priori*, разделить их по различным источникам, дать их исчерпывающую таблицу, осуществить дедукцию чистых понятий рассудка, выявить принципы (основоположения) и границы их применения (AA 04, S. 365; Кант, 1994б, с. 132). Кроме того, необходимо исследовать условия возможности другого, умопостигаемого мира, осуществить дедукцию его оснований, исследовать принципы и механизмы действия.

Тогда выяснится, что если под наукой мы понимаем математику и (математическое) естествознание, то в таком случае метафизика не является наукой. Если же посмотрим на систематическое единство знания, способы аргументации и различные виды дедукции (как разновидности обоснования), то в этом случае метафизика, несомненно, будет наукой. Только отныне она — не спекулятивная и (одновременно) эмпирическая онтология, а теория познания и знания, но самое главное — наука о свободе, моральном законе и практическом разуме. Большую пользу метафизика приносит теологии. И наконец, по зрелом размышлении, она вновь обращается к проблемам бытия как такового, но уже не как раньше, догматически и спекулятивно, но *аналитически и систематично, следуя идеалам ясности, строгости и аргументированности*.

At the same time, the two deductions are not antagonistic. They have something in common and, indeed, there is a certain mutual assistance. Kant speaks of “how extremely necessary, how salutary” the deduction of categories has been for *theology* and *morality*. Because theoretical deduction has demonstrated that the concepts of understanding a) have no empirical origin and b) refer to objects in general, irrespective of contemplation, it thereby has limited the speculative use of reason, eliminating the danger of considering these concepts to be innate or, on the contrary, strictly empirical and consequently, has explained transcendental cognition of things and the existence of a special, intelligible world of freedom and morality (*KpV*, AA 04, p. 141; Kant, 2015, p. 113).

Conclusion

Finally, is metaphysics as a science possible? To solve this question it must present the entire complement of concepts *a priori*, break them down by various sources, provide an exhaustive table thereof, deduce pure concepts of understanding, reveal the principles and boundaries of their application (*Prol*, AA 04, p. 365; Kant, 2002, pp. 153-154). Besides, it is necessary to study the conditions of the existence of the other, intelligible world, to deduce its grounds and examine the principles and mechanisms of operation.

Then it would turn out that if by science we mean mathematics and (mathematical) natural science then the answer is no, metaphysics is not a science. If, however, we look at the systematic unity of knowledge, means of argumentation and various types of deduction (as varieties of explication) then the answer is yes, metaphysics is undoubtedly a science. Only from now on it is not speculative and (simultaneously) empirical ontology, but a theory of cognition and knowledge, and most importantly, the science of freedom, the moral law and practical reason. Metaphysics greatly benefits theology. And finally – on closer inspection – it again turns to the problems of Being as such, but not in a dogmatic and speculative way, as before, but *analytically and systemically* following the ideals of *clarity, rigor and argumentation*.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Список литературы

- Васильев В. В. Философская психология в эпоху Просвещения. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2010.
- Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum). М. : Прогресс-Традиция, 2000.
- Кант И. Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2, ч. 1. М.: Наука, 2006а.
- Кант И. Критика чистого разума (А) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2, ч. 2. М.: Наука, 2006б.
- Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997а. С. 277–733.
- Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997б. С. 39–275.
- Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Соч. : в 8 т. Т. 2. М. : Чоро, 1994а. С. 41–84.
- Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Соч. : в 8 т. Т. 4. М. : Чоро, 1994б. С. 5–152.
- Круглов А. Н. Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века. М. : Феноменология-Герменевтика, 2008.
- Лейбниц Г. В. Порядок есть в природе // Соч. : в 4 т. Т. 1 / ред., сост., вступ. ст. и примеч. В. В. Соколова. М. : Мысль, 1982. С. 234–236.
- Лейбниц Г. В. Об основных аксиомах познания // Соч. : в 4 т. Т. 3 / ред., сост., вступ. ст. и примеч. Г. Г. Майорова, А. Л. Субботина. М. : Мысль, 1984. С. 138–141.
- Allais L. Manifest Reality. Kant's Idealism and his Realism. Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Allison H. Kant's Transcendental Deduction. An Analytical-Historical Commentary. Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Allison H. Kant's Transcendental Idealism. An Interpretation and Defence. New Haven ; L. : Yale University Press, 1983.
- Aquila R. Matter in Mind: A Study of Kant's Transcendental Deduction. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1989.
- Caimi M. Kant's B Deduction. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2014.
- Carl W. Der schweigende Kant: die Entwürfe zu einer Deduktion der Kategorien vor 1781. Göttingen : Vandenhöck und Ruprecht, 1989.
- Guyer P. Kant and the Claims of Knowledge. N. Y. : Cambridge University Press, 1987.
- Hanna R. Cognition, Content, and the A Priori. A Study in the Philosophy of Mind and Knowledge. Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Heidemann D. Deduktion der reinen Verstandesbegriffe, transzendente // Kant-Lexikon. hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Bd. 1. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015a. S. 360–364.

References

- Allais, L., 2015. *Manifest Reality. Kant's Idealism and His Realism*. Oxford: Oxford University Press.
- Allison, H., 2015. *Kant's Transcendental Deduction. An Analytical-Historical Commentary*. Oxford: Oxford University Press.
- Allison, H., 1983. *Kant's Transcendental Idealism. An Interpretation and Defence*. New Haven and London: Yale University Press.
- Aquila, R., 1989. *Matter in Mind: A Study of Kant's Transcendental Deduction*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Caimi, M., 2014. *Kant's B-Deduction*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Carl, W., 1989. *Der schweigende Kant: die Entwürfe zu einer Deduktion der Kategorien vor 1781*. Göttingen: Vandenhöck & Ruprecht.
- Guyer, P., 1987. *Kant and the Claims of Knowledge*. New York, et al.: Cambridge University Press.
- Hanna, R., 2015. *Cognition, Content, and the A Priori. A Study in the Philosophy of Mind and Knowledge*. Oxford: Oxford University Press.
- Heidemann, D., 2015a. Deduktion der reinen Verstandesbegriffe, transzendente. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr and S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon: In 3 Volumes. Volume 1*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp. 360-364.
- Heidemann, D., 2015b. Deduktion, transzendente. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr and S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon: In 3 Volumes. Volume 1*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp. 366-369.
- Henrich, D., 1976. *Identität und Objektivität: Eine Untersuchung über Kants Transzendente Deduktion*. Heidelberg: Carl Winter.
- Henrich, D., 1969. The Proof-Structure of Kant's Transcendental Deduction. *The Review of Metaphysics*, 22(4), pp. 640-659.
- Kant, I., 1992. *Theoretical Philosophy, 1755–1770*. Edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2015. *Critique of Practical Reason*. Translated and edited by M. Gregor, translation revised by A. Reath; with a revised introduction by A. Reath. Revised Edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath, translated by G. Hatfield and M. Friedman. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2005. *Notes and Fragments*. Edited by P. Guyer, translated by C. Bowman and F. Rauscher. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2011. *Groundwork of the Metaphysics of Morals: A German-English Edition*. Edited by M. Gregor and J. Timmermann. Cambridge: Cambridge University Press.
- Krings, H., 1964. *Transzendente Logik*. München: Kösel-Verlag.

Heidemann D. Deduktion, transzendente // Kant-Lexikon / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Bd. 1. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 366 – 369.

Henrich D. Identität und Objektivität: Eine Untersuchung über Kants Transzendente Deduktion. Heidelberg : Carl Winter ; Universitätsverlag, 1976.

Henrich D. The Proof-Structure of Kant's Transcendental Deduction // The Review of Metaphysics. 1969. Vol. 22, №4. P. 640 – 659.

Krings H. Transzendente Logik. München : Kösel-Verlag, 1964.

Moskopp W. Struktur und Dynamik in Kants Kritiken. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2009.

Rohs P. Transzendente Logik. Meisenheim am Glan : Hain, 1976.

Schmitz H. Was wollte Kant? Bonn : Bouvier, 1989.

Seeberg U. Deduktion // Kant-Lexikon / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Bd. 1. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 348 – 353.

Timmermann J. Deduktion der Grundsätze der reinen praktischen Vernunft // Kant-Lexikon. Hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Bd. 1. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 353 – 354.

Timmermann J. Kant's Groundwork of the Metaphysics of Moral. A Commentary. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Timmermann J. Sittengesetz und Freiheit. Untersuchungen zu Immanuel Kants Theorie des freien Willens. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2003.

Walker R. C. S. Kant. London : Henley-on-Thames ; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1978.

Об авторе

Валерий Евгеньевич Семенов — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия.

E-mail: vesemenov7@mail.ru

Для цитирования:

Семенов В. Е. Дедукция свободы vs дедукция опыта в метафизике И. Канта // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, №1. С. 55 – 80. doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-3

Krouglov, A. N., 2008. *Tetens, Kant i diskussia o metafisike v Germanii otoroj poloviny XVIII veka* [Tetens, Kant, and the Discussion of Metaphysics in Germany in the Second Half of the Eighteenth Century]. Moscow: Phenomenology – Hermeneutic. (In Rus.)

Leibniz, G. W., 2000. *Metaphysics Summarized*. In: *Voltaire. Candide and Related Texts*. Translated, with an introduction, by D. Wootton. Indianapolis: Hackett, pp. 84-86.

Leibniz, G. W., 1989. *On the General Characteristic, II*. In: G. W. Leibniz, 1989. *Philosophical Papers and Letters. A Selection*. Translated and edited, with an Introduction, by L. E. Loemker, 2nd ed. Dordrecht, Boston, and London: Kluwer Academic Publishers, pp. 225-227.

Moskopp, W., 2009. *Struktur und Dynamik in Kants Kritiken*. Berlin and New York: De Gruyter.

Rohs, P., 1976. *Transzendente Logik*. Meisenheim am Glan: Hain.

Schmitz, H., 1989. *Was wollte Kant?* Bonn: Bouvier.

Seeberg, U., 2015. *Deduktion*. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon: In 3 Volumes. Volume 1*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp. 348-353.

Timmermann, J., 2015. *Deduktion der Grundsätze der reinen praktischen Vernunft*. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon: In 3 Volumes. Volume 1*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp. 353-354.

Timmermann, J., 2007. *Kant's Groundwork of the Metaphysics of Moral. A Commentary*. Cambridge: Cambridge University Press.

Timmermann, J., 2003. *Sittengesetz und Freiheit. Untersuchungen zu Immanuel Kants Theorie des freien Willens*. Berlin and New York: De Gruyter.

Vasilyev, V. V., 2010. *Filosofskaya psikhologiya v epokhu Prosvetsheniya* [Philosophical Psychology in the Age of Enlightenment]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsia". (In Rus.)

Walker, R. C. S., 1978. *Kant*. London, Henley-on-Thames, and Boston: Routledge & Kegan Paul.

The author

Prof. Dr Valeriy E. Semyonov, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia.

E-mail: vesemenov7@mail.ru

To cite this article:

Semyonov, V. E., 2019. Deduction of Freedom vs Deduction of Experience in Kant's Metaphysics. *Kantian Journal*, 38(1), pp. 55-80. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-1-3>